

[Polaris]

В. Шатров



ПО КОЛЕНА В КРОВИ
И В ЗОЛОТЕ

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXII



Salamandra P.V.V.

В. Шатров

**ПО КОЛЕНА
В КРОВИ И
ЗОЛОТЕ**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Шатров (Баранов) В. Н.

По колена в крови и золоте: Роман из современной жизни. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 37 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXII).

Авантюрная повесть двойного перебежчика В. Шатрова-Баранова рассказывает о головокружительных приключениях белогвардейской террористки-мстительницы Любки-Огонь и ее соратников — Бегемота, Власова и Груздева.

Повесть «По колена в крови и золоте» (названная в оригинальном издании 1925 г. «романом») продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

**ПО КОЛЕНА
В КРОВИ И
ЗОЛОТЕ**

Нарвский Листокъ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Нарва, Вышгородская ул. (Smug tšn.), д. № 7. Контора открыта с 9—5 ч.
ОТДѢЛЕНИЕ КОНТОРЫ: Нарва, Вышгородская ул. (Smug tšn.) № 1, книжный магазинъ паса. А. Г. Григорьева. Тел. № 150.

Выходитъ три раза въ недѣлю:
по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная плата:		1 мѣс.	2 мѣс.	3 мѣс.
Безъ доставки.....	65 мар.	130 мар.	180 мар.	
Съ доставкой по почтѣ.....	75	140	215	
Оплата за 1 м. м. въ 1 столбѣ на 4-ой страницѣ —			3 мар.	
Оплата за 1 м. м. въ 1 столбѣ въ текствѣ —			6	

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

1.

Жуткая черная ночь нависла надъ холоднымъ и голоднымъ Петроградомъ. На улицахъ — ни души, въ домахъ — ни огня. Дико, какъ безумный, носится по городу вольный бродяга — вѣтеръ. Ежится зыбко на своихъ постахъ дежурные коммунисты, стерегутъ зоркими коршунами врасплохъ захваченный городъ и доводятъ настороженными глазами кого-то непримѣтнаго, но страшнаго имъ.

На Невѣ волны — горами, и вся она, какъ кипищій котелъ. Плещутъ у берега, того гляди сорвутся съ канатовъ, лодки, пароходы и баржи. Гудомъ гудитъ Нева и бросаетъ съ волны на волну, вертитъ, мотаетъ во всѣ стороны небольшой четырех-весельный яликъ, съ трудомъ про-бывающій дорогу.

— Чтобъ ее черти заглотали, по-году эту разнесчастную! — свирѣпо выругался одинъ изъ сидѣвшихъ на веслахъ. — Того ли гляди, уто-нешь.

— Заныло, кадилло! — съ насмѣшкой отозвался рулевой, взгля-дывая въ черное полотно ночи, ви-

сѣвшее впереди глухой стеной, и вдругъ отрывисто кинулъ:

— Тише! Сейчасъ подъедемъ...

2.

Полчаса спустя всѣ трое сидѣли въ столовой одного изъ наглухо заключенныхъ барскихъ особняковъ пили чай съ ромомъ изъ тайника до котораго не сумѣли добраться совѣтскіе агенты, опечатавшіе особнякъ, и весело, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривали, сбѣялись между собой.

Сбоку отъ нихъ, на кушеткѣ, въ черныхъ шароварахъ и такой же безрукавкѣ сидѣла женщина. Ры-сокая, полногрудая, съ бездонными голубыми глазами въ которыхъ такъ и сквозили наружу отвага, умъ, энергія и рѣшимость пойти на все.

Любка—Огонь, — какъ называли ее трое, когда не было ея.

— Подошелъ я къ границѣ, — разска-зывалъ одинъ изъ троицъ: — черный, вертлявый, съ острымъ, какъ у пти-цы носомъ, по прозванью Соловей, — только что хотѣлъ нырнуть въ ку-сты, — есть тамъ такое удобное мѣсто для перехода, а часовая, цар-

ство ему небесное, хватъ меня за шиворотъ и назадъ. — Кто такой и куда? — спрашиваетъ у меня. — А тебѣ какое дѣло! — А такое... Све-ду на пунктъ, такъ узнаешь самъ. Можетъ быть, гвардеецъ какой, про-бравшись за границу. — Ха-ха-ха! — расхохотался я. — Агентъ Чека я, а зачѣмъ здѣсь — это тебѣ не надоб-но знать... Выпустилъ онъ меня, сразу перебрѣлся. — Покажите, товарищъ, документъ! — говоритъ. — Изволь!.. Подалъ ему первую бу-мажку, а у самого „перо“ наготовѣ. Взялъ онъ ее, началъ читать, а я ему „перышко“ подъ девятое ребро — чикъ... даже не пикнулъ, бѣдня-га. А самъ, айда, скорѣй за границу.

Онъ замолчалъ. Молчали всѣ.

Сквозь окна столовой, плотно за-навѣшенныхъ тяжелыми шторами, до-летали сердитые шумы вѣтра.

Любка—Огонь встала съ кушетки, подошла къ дорожному, рѣзному бу-фету, порылась въ немъ и вынула небольшой пузырекъ съ безцвѣтной жидкостью.

— А теперь, господа, за дѣло! — какъ-то особенно ласково-дѣтски улыбнулась она засіявшими голу-быми глазами. — Я ухажу, а вы будьте на мѣстѣ черезъ часъ. И, когда увидите въ третьемъ окнѣ —

красный свѣтъ, смѣло идите наверхъ. Я сама открою вамъ.

Подойди къ стѣнѣ, на которой висѣла громадная старинная карти-на, она дотронулась до рамы. Кар-тина безшумно отошла въ сторону и открыла узкій тайникъ куда-то. Любка—Огонь еще разъ оглянувшись на троицъ построжевшими гла-зами и скрылась въ темномъ про-ходѣ.

3.

Комиссаръ Груздевъ цѣлый день, слома голову, леталъ по городу на автомобиле, кричалъ, навонялъ по-рядки, а когда поздно вечеромъ прѣхалъ домой — въ богатую, „по-купленную“ у банкира квартиру — не успѣлъ за столъ и написалъ чуть не до потери сознания коньяку, кото-раго у него имѣлся цѣлый погребецъ.

Сидѣлъ, развалился въ кожаномъ креслѣ, поводилъ вокругъ окуне-выми глазами на роскошную обстано-вку и сердито — самодовольно думалъ:

— Тоже умѣли пожить, черти, въ свое время! А теперь — ау! Одинъ Груздевъ — хозяинъ.

Вѣстовой красномореецъ, служи-вшій у комиссара за денщика, еще съ утра отпрашивался на ночь въ гости къ роднымъ, и теперь Груз-девъ въ большой барской квартирѣ оставался одинъ.

Было около двухъ часовъ ночи, когда въ передней веселымъ звономъ рассыпался и погасъ звонокъ.

Кто бы это могъ быть? — подумалъ полупьяный Груздевъ и по привычкѣ схватился за наганъ.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ, подойдя къ двери, но изъ осто-рожности не открывая ее.

— Это я, Люба! Впусти скорѣй! Промокла насквозь! — послышался капризный женскій голосъ.

— Любка! Ты? — обрадовался Груз-девъ, узнавъ голосъ своей любовни-цы, которую онъ цѣною ея любви спасъ полгода тому назадъ отъ не-избѣжнаго разстрѣла, шелкнулъ зам-комъ и впустилъ въ комнату высо-кую женщину въ черныхъ галифѣ и такомъ-же френчѣ.

— Это была Любка—Огонь.

— Ай-да, Любка! Вотъ молодецъ... Люблю за это! — говорилъ Груздевъ, обнимая женщину и увлекая ее за собой. — Скука адава въ этихъ про-клятыхъ хоромахъ. Вѣдь, кажется, — мой, никто выгнать не смѣетъ, а я вѣдь, неспокойно мнѣ.

— Ерунда! Давай лучше коньякъ пить! — заразительно расхохоталась она и прижалась къ Груздеву хипнувшимъ, безъ словъ говорящимъ тѣломъ.

Они перешли въ гостинную и, смѣясь и болтая, пили коньякъ.

Груздевъ хмелѣлъ съ каждой ми-нутой. Любка—Огонь исподтишка на-блюдала за нимъ и старательно на-ливала рюмку за рюмкой. Минута-ми, когда она глядѣла на его опу-щенное красное лицо, ея глаза вспыхи-вали голубыми молніями и столько ненависти, злобы и ликующаго тор-жества кипѣло въ нихъ, что, будь комиссаръ потрезвѣе, онъ не остал-ся бы сидѣть съ этой женщиной ни минуты.

По старому болтая милый женскій вздоръ, Любка—Огонь ловкимъ неза-мѣтнымъ движеніемъ холеной, уди-вительно красивой руки вынула изъ кармана френча пузырекъ съ без-цвѣтной жидкостью и потихоньку выплеснула половину въ рюмку.

— На, выпей, Сашурка, а потомъ пойдемъ спать, — ласково прижима-ясь, сказала она и опрокинула ему рюмку въ ротъ.

Черезъ двѣ минуты Груздевъ спалъ мертвымъ сномъ, а въ одномъ изъ оконъ на улицу зловѣщимъ кровавымъ свѣтомъ горѣлъ красный огонь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

5.

Въ дверь постучали.

Неслышными кошачьими шагами Любка-Огонь подошла къ двери и открыла ее.

Въ переднюю, одинъ за другимъ, вошли настороженный Соловей, Ваня-Офицеръ и Бегемотъ — высокий, въ плечахъ косая сажень, съ руками, которыми онъ, шутя и улыбаясь, сгибалъ рубли и подковы.

— Скорѣе! Каждая минута дорога! — отрывисто кинула заалѣвшая Любка-Огонь и повела всѣхъ троихъ въ комнату, гдѣ мертвымъ, могильнымъ сномъ спалъ ничего не подозревавшій Груздевъ.

— У, дьяволы! Чтобъ тебѣ слохнуть, — злобно и сердито прошепталъ Ваня-Офицеръ и носкомъ сапога ударилъ комиссара въ грудь.

— Что ты! Съ ума сошелъ? Все дѣло испортишь! — блеснула голубыми молніями Любка-Огонь. — Вонъ, тамъ несгораемый шкафъ... за дѣло, господа, да живѣе! А я въ письменномъ столѣ пороюсь.

Тихо, какъ тѣнь, скользнула она къ столу и въ то время, какъ трое работали надъ стальной дверью шкафа, рылась въ бумагахъ, которыми былъ заваленъ столъ комиссара.

Веселая и довольная улыбка освѣтила ее лицо, когда она добралась до третьяго ящика снизу.

— Вотъ они, документы, которые я искала у него и не могла найти! — торжествуя улыбнулась она.

— О, теперь ты въ моихъ рукахъ! Мы поборемся, мы посмотримъ, кто кого побѣдитъ. Ты или я?..

— Люба, готово! Иди сюда! — охрипшимъ отъ волненія голосомъ прошепталъ Соловей и распахнулъ настежь дверцы шкафа.

Яркій электрическій свѣтъ ослѣпительно ударилъ въ драгоценные камни и золото, лежавшее въ безпорядкѣ на полкахъ шкафа.

Любка-Огонь подошла, равнодушнымъ взглядомъ окинула миллионы, лежавшіе передъ ней, и сказала:

— Берите все!..

Въ заднихъ комнатахъ прозвучали чьи-то шаги.

— Идутъ!.. Кто-то идетъ! — испуганно прохрипѣлъ Соловей и всѣ четверо, какъ одинъ, спрятались за портьеру.

На порогѣ комнаты стоялъ въстовой комиссара и непонимающими удивленными глазами смотрѣлъ на упавшаго на полъ Груздева и на бумаги раскиданныя кругомъ.

— Ну и дуракъ! — громко, разрѣвая настороженную тишину, расхохотался въстовой. — Напился, какъ сапожникъ. Эй, товарищъ, приснись. Бѣлые на Петроградъ наступаютъ! — тормошилъ онъ Груздева.

— Убрать его! — коротко кинула Любка-Огонь.

Громко топоча тяжелыми сапогами, Бегемотъ вышелъ изъ-за портьеры и подошелъ къ красноармейцу.

— Кто такой? Откуда? — испуганно крикнулъ тотъ и захрипѣлъ, сдвинувъ медвѣжьими лапами Бегемота.

— Готово! Этотъ никому никогда не расскажетъ, что случилось здѣсь! — разсмѣялся, какъ ни въ чемъ не бывало, Бегемотъ.

Всѣ трое вышли изъ-за портьеры. Красноармеецъ лежалъ на коврѣ и упорно, не мигающими глазами смотрѣлъ на всѣхъ четверыхъ.

— Стукнуть за одно изъ этого! — проговорилъ Ваня-Офицеръ, показывая на Груздева.

— Нѣтъ... Пускай живетъ! — отвѣтила Любка-Огонь. — За эти бумаги я оставляю ему жизнь... Идемъ въ столовую, тамъ у него и вино и закуска.

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

6.

Подъ чаровнымъ предводительствомъ Любки, перешагнувъ черезъ трупъ красноармейца, лихая компанія перешла въ столовую, и остолбѣла при видѣ дорогихъ винъ и множества разнообразной закуски.

— Послѣ трудовъ праведныхъ не мѣшаетъ и подкрѣпитесь! — съ удовольствіемъ произнесъ Ваня-Офицеръ.

— Ишь... какъ ѣдятъ да пьютъ народныя комиссары что твои дворяне!

— Житье комиссарамъ!

Любка-Огонь блеснула глазами.

— Скорѣе пейте, да ѣшьте... Не пришель-бы кто!

— Никто не придетъ. Часъ ночной. Всѣ Питеръ спитъ.

Въ кабинетѣ комиссара вдругъ зазвонилъ телефонъ. Вздрогнули.

— Въ телефонъ звонятъ... — испуганно пролепеталъ Бегемотъ.

— Позвонить — перестанетъ.

Телефонъ не умолкалъ, и призывнымъ нетерпѣливымъ звономъ наполняя сумрачный домъ комиссара.

— Я пойду къ телефону! — рѣзко, вставъ изъ за стола, произнесла Любка-Огонь презрительно взглянувъ на притихшихъ недоумѣвающихъ товарищей.

— Лихая баба, чертъ! — съ восхищеніемъ проводилъ глазами Соловей статную, сильную фигуру Любки.

Было слышно, какъ Любка говорила съ кѣмъ-то въ телефонную трубку.

— Что? Товарища Груздева? Черезъ часъ онъ будетъ. Вы спрашиваете, кто я? Секретъ... Ха-ха-ха. Развѣ вашему брату комиссару обойтись безъ нашей сестры! Пожалуйста, пожалуйста, онъ вамъ будетъ очень радъ... А то мой, Груздочекъ, совсѣмъ въ черную меланхолію впалъ. Развеселите его. Милости просимъ... Ха-ха-ха. До скораго свиданія.

Не успѣвъ дать отбой, Любка-Огонь гибкими прыжками очутилась въ столовой, взметнула своими прекрасными въ своей удали и рѣшимости глазами и рѣзкоскомандовала:

— За мной! Комиссары на автомобилѣхъ ѣдутъ! Ни минуты задержки. Бегемотъ, дьяволъ, чего дрожишь? Не бойся. Офицеръ, дай ему въ бокъ, чтобы не трусилъ. Драгоценности съ собой! Тише! Идемъ!

Сторожками, кошачьими шагами, едва переводя духъ, они пошли по длинной сумрачной анфиладѣ комнатъ, руководимые Любкой. Тихо. Гдѣ-то скребутся мыши. За окнами кто-то ругался.

Варугъ, гдѣ-то въ глубинѣ дома переливно-разсыпнымъ каскадомъ зазвонилъ электрическій звонокъ.

— Груздевъ очнулся! — прошептала Любка. — Не робѣйте товарищи! За мной. Погони ни какой не будетъ. Сейчасъ мы выйдемъ на черную дѣстницу!

Долгимъ, жалобнымъ звономъ звонилъ въ сумрачномъ домѣ электрическій звонокъ.

Спустились по витой, темной лѣстницѣ и вышли на черную притихшую улицу, бережно охраняя добычу. Вдали пыхѣлъ автомобиль.

— Комиссары къ Груздеву въ гости ѣдутъ! — прошепталъ Соловей, — подождемъ немного около воротъ.

Притаились за рѣзными желѣзными воротами.

Автомобиль смолкъ. Остановился около дома Груздева. Тишина. Только порывистый вѣтеръ гуляетъ по опустошенному мертвому городу.

Добѣжали до Малаго проспекта. Изъ темнаго угла на перерѣзъ выскочили три милионера.

— Стой, товарищи! Стрѣлять будемъ! Ни съ мѣста!..

Отъ страха подкосились ноги.

Невозмутимой была лишь Любка-Огонь, которая смѣло направилась къ милиционерамъ. Тѣснымъ кольцомъ окружили они ее.

— Вы куда?

— Въ Госиздатъ, по порученію товарища Луначарскаго — бойко отвѣтила Любка, обжигая красивыми глазами милиционеровъ.

— Холодно, милые, навѣрное? — спросила Любка ласково-хмельнымъ голосомъ, отъ котораго любой мужчина станетъ безвольнымъ и покорнымъ, какъ дитя — Ну, ничего, потерпите, во имя революціи...

Милиционеры жадными рабыниными глазами смотрѣли на красивую статную Любку.

— Что несете? — спросилъ одинъ изъ нихъ, но по тону его голоса, не слышно было, чтобы онъ интересовался отвѣтомъ, а просто хотѣлъ завести разговоръ съ красивой женщиной и слышать голоса, который такъ нравился ему.

Любка-Огонь просто отвѣтила:

— Партийную литературу!

— Такъ-съ... Нѣтъ-ли у васъ покурить?

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ! — подскочилъ Офицеръ и предупредительно-вѣжливо угостилъ милиционеровъ изъ своего серебрянаго портсигара.

Закурили.

— Пароль сегодня ужъ больно диковинный выдумали!.. — началъ

разговор Любка с молодым милиционером... — Пока идешь, забудешь... Вот и теперь... забыла... как он начинается... черт его разберет... Слова то все мудреные... Боюсь, как бы не задержали.

— Артиллерия! — подсказал ей милиционер.

— Вот, видите, — улыбнулась Любка: — где уж нам слабым женщинам такие серьезные слова запоминать...

Приветливо распрощались с милиционерами и пошли.

Офицер всю дорогу восхищался Любкой.

— Ай, да баба! Пароль выудила! Тебе бы, Любка, военным комиссаром быть!

— Молчи уж, если Бог обидел. А теперь, гляди, знай в оба. На меня не засматривайся.

Бил осенний дождь. Холодно. Глухо и мертво. Кладбище, а не город.

Навстречу, с какого-то подъезда быстро выбежала женская фигура.

Бегемот освятил фонарем стройную дѣвушку с тонким, аристократическим лицом. В глазах, глубоких и прекрасных, заиграла тоска, мольба и невыносимое страдание.

— Товарищ, возьмите меня... умираю с голода...

— Пошла к черту! — огрыз-

нулся Бегемот: — испугала только, чертова кукла!

Дѣвушка упала перед ними на колѣни и умоляла:

— Возьмите... миленькие...

Любка-Огонь подошла к дѣвушке, подняла ее, вынула из кармана несколько золотых монет и сунула ей в руку.

Дѣвушка, не успев поблагодарить, безумная от радости побѣжала по улицѣ и скрылась во мракѣ.

Подходили к окраинѣ города.

— Теперь, скоро и дома! — облегченно произнесла Любка-Огонь. — Устала страшно. Спать, спать хо...

Не успѣла Любка окочить слова, какъ позади послышалось гудѣнье автомобиля. Автомобиль мчался вихремъ.

— За нами погоня! — прошептала Любка и опять стала сильной и смѣлой, не похожей на женщину, которая только что мечтала об отдыхѣ.

Автомобиль все ближе и ближе, скрыться негдѣ. По обѣ стороны длинные заборы. Любка оглянулась и увидѣла во тмѣ автомобиль съ густо насаженными, вооруженными до зубовъ красноармейцами.

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

7.

— Стой! Куда, откуда? — крикнулъ одинъ, въ кожаной тужуркѣ, выскочивъ изъ автомобиля и направляя на Любку наганъ.

— Потихо, товарищ, на поворотахъ! — насмѣшливо улыбнулась она. — Дайте-ка, я вамъ на ушко что-то шепну. — Любка-Огонь наклонилась къ бритому, какъ актеръ, комиссару и, обжигая его горячимъ дыханьемъ, прошептала пароль. — А теперь, товарищ, потрудитесь взглянуть на эту бумажку, — сказала она.

Вспыхнулъ ослѣпительный свѣтъ карманнаго фонаря. Комиссаръ взялъ протянутую бумагу, взглянулъ на нее и удивленно-почтительно уставился ошалѣвшими глазами на Любку. — Пропускъ за собственноручной подписью товарища Ленина! — почтительно прошепталъ онъ и, бережно сложивъ бумажку, передалъ ее Любкѣ.

— А вы и не ждали! — дразнило весело заразительнымъ смѣхомъ разсмѣялась она.

— Не зналъ! — сокрушенно вздохнулъ комиссаръ и вѣжливо приложилъ руку къ фуражкѣ...

Автомобиль заворчалъ и бѣшено

ринулся въ черную пропасть осенней ночи.

8.

На другой день вечеромъ Любка стояла на платформѣ Балтійскаго вокзала и ожидала поѣзда въ Москву.

Кругомъ на скамейкахъ и прямо на полу сидѣли сотни голодныхъ, обнищавшихъ людей, единственной мечтой которыхъ было желаніе вырваться изъ умирающаго Петрограда куда-нибудь въ провинцію, въ деревню, гдѣ есть сладкій, душистый хлѣбъ, вкусный картофель и многое, многое другое.

Люди сидѣли по днямъ и не могли уйтись, такъ какъ всѣ поѣзда брались штурмомъ, а изъ тысячной толпы только нѣсколько сотенъ счастливыхъ попадали въ очередной поѣздъ.

На каждомъ шагѣ происходили дупераздирающія тяжелыя сцены. Въ звѣриной толкотнѣ и паникѣ матеріи безвозвратно теряли дѣтей. Въ дверяхъ вагоновъ беременных женщинъ давили на смерть. Карманники и другіе вѣрныя работники во всю. И, надъ всѣмъ этимъ ужасомъ, въ мутномъ, гниломъ воздухѣ, какъ

плачь, какъ смертельная мольба, звучало и переливалось на сотни ладовъ одно золотое, безцѣнное слово: — Хлѣбъ! За хлѣбомъ!

Подали поѣздъ.

Бегемотъ и Ваня-Офицеръ, осаживая напиравшую толпу, втолкнули Любку въ вагонъ и кинулись въ сторону, рискуя быть раздавленными обезумѣвшей толпой.

Поднять полку было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ и, когда вагонъ наполнился громко кричащими пассажирами, она уже занимала свое мѣсто.

Пробилъ третій звонокъ, сердито крикнулъ впередъ сормовскій паровозъ и большой поѣздъ съ больными людьми тронулся изъ непривѣтливаго Петрограда.

9.

Ощупавъ на груди сумку съ документами Главнаго Военнаго Штаба, похищенными у комиссара Груздева, и которые она везла въ Эстонию къ бѣлымъ, Любка-Огонь закрыла усталыя глаза и стала думать о товарищахъ, оставшихся въ Петроградѣ.

Поѣздъ летѣлъ въ черныхъ сумеркахъ ночи, и въ глухихъ отрывистыхъ крикахъ паровоза слышалась тоска и жалоба на его горемычную долю.

Вагонъ затихъ. Кое-гдѣ раздавался храпъ, слышались вздохи и надорванный кашель.

Сладкое забытье невольно овладевало Любкой. Пріятная слабость охватила горячее тѣло. Не хотѣлось шевелиться и думать ни о чемъ.

Любка простонала въ истокѣ и уснула крѣпкимъ сномъ...

Злобнымъ торжествомъ блеснули желтые раскосые глаза китайца, лежавшаго на соседней полкѣ съ Любкой. Тихо, какъ змѣя, онъ привинулся къ перегородкѣ, раздѣлявшей полки, и осторожно, какъ дѣлалъ это раньше, дунулъ изъ воронкообразной трубочки въ лицо спящей женщины.

Выждалъ минуту — другую, просунулъ руку и сталъ разстегивать френчъ на груди усипленной Любки.

Проворно, паучьими пальцами нащупавъ холщевую сумку, онъ чиркнулъ ножомъ по шнурку и потянулъ къ себѣ.

Черезъ минуту драгоценная сумка была въ его рукахъ.

Китаецъ неслышно захихикалъ и спряталъ ее въ карманъ.

Потомъ наклонился къ Ингавишкѣ, фонарю и на ключѣ бумаги старательно вывелъ что-то. Сунувъ его Любкѣ за пазуху, жадными, горящими глазами окинулъ ее съ ногъ до головы, слѣлъ потихоньку съ полки и, скользя между лежащими вполалку на полу пассажирами, направился къ выходу изъ вагона.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №-ѣ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

10.

Поляда подходила къ Ямбургу, когда очнулась Любка-Огонь отъ тяжелаго, усыпляющаго дурмана. Невыносимо болѣла голова. Ничто все крѣпкое, здоровое тѣло Любки, словно кто-то топталъ и мучилъ его. Пробовала подняться. Не могла. Упала на полку и лежала неподвижно, откинувъ голову на бокъ.

Въ головѣ клочки воспоминаній: комиссаръ Груздевъ... Бегемотъ... Настигающій автомобиль... Бѣгство изъ Петрограда...

Передъ глазами зыбилось, расплывалось. Что-то важное и необходимое хотѣла вспомнить Любка-Огонь, и не могла. Въ окна вагона просачивался скучный осенній разсвѣтъ.

Вдругъ Любка Огонь, что-то вспомнивъ, съ лихорадочной поспѣшностью, схватила за потайной карманъ, гдѣ хранились важные похищенные документы, и не найдя ихъ, крошечка какого-то клочка бумаги, вскрикнула:

— Украли!

Отъ крика проснулись сосѣди и безучастно потянулись на побѣднѣвшую Любку. — Мало ли теперь развезло всякихъ кражъ!

Когда пришло сознание, Любка развернула клочекъ бумаги, оставленный вмѣсто документовъ, и прочитала неровными, бѣгающими буквами:

«Документы у меня, Ли-Чина. Можете получить лично. Жду васъ въ домѣ китайскаго посольства. Мой пароль: Гангъ. Входъ съ западной стороны. Постучите въ кольцо».

Любкѣ все стало ясно. Документы похитилъ китаецъ Ли-Чинъ, который съ такой жадностью всегда смотрѣлъ своими раскосыми глазами на ея тѣло. Она поняла, что китаецъ не такъ дороги были ея документы, какъ она сама, молодая, красивая и сильная.

Дурманъ прошелъ. Любка опять стала рѣшительной и сильной. Подъ черными дугами бровей опять за сверкали глаза—молнии.

— Будемъ бороться! — сказала она рѣшительно, глядя въ окно на тоскливый осенній пейзажъ.

11.

Скучный и тихій въ старое время городъ Ямбургъ въ это утро представлялъ изъ себя настоящий кипящий котелъ. На маленькой станци, куда ни взглянешь, вездѣ вооруженные до зубовъ красноармейцы.

Ругались, кричали, стонали, гдѣ то произносилась рѣчь: товарищи! Мы должны звать Нарву! Туда... тамъ хлѣбъ, вино... Нарва, будешь наша!

Любка ходила по станци, и съ удовольствіемъ дышала крѣпкимъ осеннимъ воздухомъ, послѣ духоты вагона. Со стороны Нарвы слышалась оружейная пальба и вѣсто жуткое, кровавое зарево пожара.

Безпрерывно подѣлажи поѣзда со стороны Петрограда, густо переполненные вооруженными красноармейцами. Готовилось рѣшительное наступленіе на Нарву.

До слуха Любки, вдругъ, донесся крикъ и чья-то отборная русская брань. Собралась толпа. Любка подошла: что такое?

Оказалось, что какой-то толстый

комиссаръ билъ по щекамъ высокаго, красиваго красноармейца. Любка въ красноармейцѣ узнала знакомаго офицера царской службы.

— Саботажникъ! Негодяй! Я тебѣ покажу противорѣчить! Знаешь кто ты и кто я! Молчать, скотъ! — кричалъ комиссаръ.

Высокій красноармеецъ до крови кусалъ свои губы, и ненавистью горѣли глаза къ толстому комиссару.

— Разстр... — хотѣлъ было отдать приказаніе комиссаръ, но въ это время между комиссаромъ и красноармейцемъ встала Любка-Огонь.

— Тебя, негодяя, разстрѣлять надо! — звонко, какъ хлыстомъ ударила, произнесла Любка. — Гдѣ это видано было, чтобы свободный гражданинъ билъ по щекамъ своего брата! Ты знаешь, что за такой поступокъ разстрѣливать надо! Ваша фамилія? — спросила Любка у комиссара, не ожидая отпѣившаго.

— А кто вы... такая... на какомъ основаніи... — пробовалъ было protestовать комиссаръ.

— Я личный секретарь товарища Ленина! — глядя смѣло въ глаза, отвѣтила Любка.

Толстый комиссаръ сразу какъ-то приниженъ, и съ виноватой улыбкой сталъ просить извиненій.

— Простите... боевая страда... на Нарву наступаемъ... а тутъ... этотъ смѣлый начальство не слушаетъ...

— Дайте мнѣ его въ руки... я покажу ему какъ не слушаться...

И какъ бы въ доказательство того, что она что-то изъ себя представляетъ, поспѣшно вынула изъ кармана какъ-бы забытое удостовѣреніе, подписанное всесильнымъ Ленинымъ, и показала комиссару.

— А теперь, товарищъ комиссаръ, распорядитесь устроить меня въ поѣздъ. Мнѣ срочнымъ порядкомъ нужно въ Петроградъ.

— Пожалуйста... сдѣлайте милость. Въ одинъ моментъ устрою! — засуетился толстый комиссаръ.

Черезъ полчаса Любка-Огонь мчалась въ отдѣльномъ купѣ, съ офицеромъ по фамиліи Власовымъ, по направленію въ Петроградъ.

— Какъ васъ благодарить! — со слезами шепталъ Власовъ, цѣлуя ея руки. — Отъ смерти спасли! На все пойду, куда вы прикажете!

У Любки было удивительное чувство узнавать человѣка. Она поняла,

что офицеръ Власовъ будетъ вѣрнымъ другомъ и дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, пойдеть, куда она прикажетъ.

Подъ ритмическій убавкивающий стукъ колесъ, Власовъ рассказывалъ со слезами о прежней Россіи, о томъ, какъ разстрѣляли его отца, какъ его забрала въ красную армію.

Любка Огонь также рассказала о разстрѣлѣ своего мужа, о томъ, какъ она поклялась мстить своимъ врагамъ. Не скривила и того, какъ она съ шайкой смѣлыхъ друзей похитила у комиссара Груздева важные документы, и какъ похитилъ у ней документы китаецъ Ли-Чинъ, одурманивъ ее какимъ-то снадобьемъ.

Послѣ своего грустнаго повѣствованія она показала ему записку китаянца.

— Вотъ и для меня пришелъ часъ отблагодарить васъ! — съ радостью пронесъ Власовъ. — Не бойтесь! Будемъ бороться съ ними! — и въ знакъ вѣрности они протянули другъ другу руки.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №-рѣ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

12.

Подойдя къ тяжелой дубовой двери посольства, Любка-Огонь оглянулась въ конецъ улицы и увидѣла Бегемота и Власова, наблюдавшихъ за ней.

— Молодцы! Эти не выдадутъ! — довольно подумала она и рѣшилась стукнуть въ бронзовое кольцо.

Прошла минута, другая. Никто не открывалъ двери. Въ домѣ стояла тишина. Въ окнахъ, заставленныхъ тяжелыми портьерами, не видѣлось живой человѣческой души.

— Что они, тамъ, уснули? Черти косоглазые! — сердито прошептала Любка и только что хотѣла взяться за кольцо, какъ дверь неслышно протворилась на четверть аршина, и въ нее выглянуло раскособившееся лицо китайца съ коричневыми, по мышному, остро бѣгающими глазами.

— Ли-Чинъ, дома? — коротко спросила Любка.

— Не, мадама, не. Ли-Чина дома не живетъ! — отвѣтилъ тотъ, подозрительно ощупывая ее хитрыми глазами съ ногъ до головы.

— Гангъ! — еще короче бросила Любка пароль.

Китаецъ мгновенно перемѣнился. Низко и подобострастно кланяясь, онъ распахнулъ дверь и пропустилъ женщину въ вестибюль, застланный пушистыми коврами.

— Пожалуйста! — угодливо, по восточному склонясь, сказалъ онъ и повелъ ее вверхъ по лѣстницѣ среди громадныхъ китайскихъ вазъ, какихъ-то диковинныхъ бронзовыхъ птицъ и массы цвѣтовъ, такихъ необычныхъ въ это осеннее время въ голодномъ, умирающемъ Петроградѣ.

13.

Въ комнатѣ, гдѣ очутилась Любка-Огонь, ласкающимъ голубымъ свѣтомъ горѣлъ фонарь. Пахло одуряюще крѣпкими духами и стояла могильная тишина.

Любка присѣла на низенькій диванчикъ и еще разъ ощупала тонкій, какъ игла, кинжалъ, спрятанный въ боковомъ карманѣ френча.

За дверью послышались чьи-то осторожные, крадущиеся шаги, и въ комнату, улыбаясь во все скаластое лицо, вошелъ Ли-Чинъ.

Любка вскочила и, прекрасная въ своемъ гнѣзѣ, кинулась навстрѣчу ему.

— Ты!.. — задыхаясь отъ бѣшенства, взволнованно роняла она. —

Ты опять сталъ на моей дорогѣ!.. Документы, гдѣ они? Давай ихъ сюда, или...

— Сядьте, успокойтесь! — на довольно чистомъ русскомъ языкѣ заговорилъ Ли-Чинъ, показывая рукой на диванчикъ.

— Документы у меня! — продолжалъ онъ, усмѣхаясь нехорошей, кривой улыбкой. — Я укралъ ихъ у васъ и знаю, какую цѣнность представляютъ они... Мнѣ стѣтъ только позвонить по телефону и я ручаюсь въ томъ, что вы сегодня же вечеромъ станете къ „стѣнкъ“. Но я не хочу выдавать васъ.

— Такъ чего-же вамъ нужно отъ меня?

— Чего? — осклабилъ, блеснувъ золотыми зубами, Ли-Чинъ. — Я хочу, чтобы вы остались здѣсь, у меня, моей любовницей или женой... Любое изъ двухъ, что больше нравится вамъ.

— Никогда! — гибкой стальной пружиной кинулась Любка къ нему. — Понимаешь ли, никогда. Я лучше убью сама себя, но жить съ такимъ звѣремъ, какъ ты... ха-ха-ха! — разсмѣялась она.

— Ну, это еще посмотримъ! — угрожающе крикнулъ Ли-Чинъ и хотѣлъ было силой обнять ее.

Тусклымъ зловѣщимъ блескомъ сверкнулъ кинжалъ въ рукѣ обезумѣвшей Любки и китаецъ, безъ стопа, убитый на повалъ, упалъ на полъ,

14.

Нагнуться къ убитому и вытащить документы, доставшіеся такой дорогой цѣной, — было для Любки дѣломъ одной минуты.

Тихо, затаивъ дыханіе, скользнула она къ выходу изъ комнаты и стала красться по корридору.

Кругомъ ни души.

Въ сердце Любки закралась свѣтлая надежда, что все обойдется благополучно. Но скрипнула гдѣ-то впереди дверь и Любка однимъ прыжкомъ спряталась за портьеру.

Мимо, не торопясь, прошелъ слуга-китаецъ и скрылся за угломъ.

— Скорѣе, скорѣе! — мелькнуло въ головѣ у Любки и она незамѣтно для самой себя очутилась у входной двери.

Повернула кольцо, и съ радостью замѣтила, что дверь поддается ей усиленно.

Вышла на улицу, и увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя идущихъ на встрѣчу Бегемота и Власова.

— Живо, въ сосѣдній переулокъ! — скомандовала она и всѣ трое бѣгущими шагами пошли прочь отъ жуткаго, по старому молчавшаго особняка.

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

15.

Въ то время, когда Любка-Огонь расправлялась въ китайскомъ посольствѣ съ Ли-Чинкомъ, на Гороховой 2, въ совѣщательной комнатѣ происходило экстренное собраніе видныхъ коммунистовъ. Кричали. Спорили. Въ комнатѣ царилъ небывалое возбужденіе. Табачный дымъ ходилъ волнами. Больше всѣхъ горячился на предсѣдательскомъ мѣстѣ маленький, юркій еврей съ умными бѣгающими глазками.

— Товарищи! Это вѣдь подлость! — кричалъ онъ: — это равносильно разстрѣлу! Въ такое горячее, отвѣтственное время, такъ глупо, по мальчишески довериться красивой бабѣ! Въ то время, когда наши красные бойцы бьются у Нарвы съ бѣлыми бандами, отвѣтственный комиссаръ Груздевъ принимаетъ бабу, пьетъ съ ней вино, таеетъ подъ ея чарами и... въ результатъ — какой позоръ! Баба одурманила его какимъ-то снотворнымъ ядомъ, и похищаетъ важные документы!

Можете вы себя представить, что эта красивая и умная баба наши документы передастъ бѣлой бандѣ и тогда, тогда наше дѣло проиграно. Завоеванія Октябрыской революціи пойдутъ прахомъ! Ой, ой, какой ужасъ! Что намъ будетъ отъ нашихъ вождей! Что будетъ?

Маленькій еврей поминутно хватался за голову и пилъ изъ графина воду большими глотками.

Кто-то изъ присутствующихъ посоветовалъ допросить Груздева, и узнать, куда ушла его любовница, каковы ея внѣшнія особенности.

— Ввести Груздева! — приказалъ еврей дежурному красноармейцу.

Черезъ пять минутъ въ совѣщательную комнату ввели блѣднаго, какъ смерть, комиссара Груздева. Весь онъ, какъ въ лихорадкѣ. Неумолимый еврей на предсѣдательскомъ мѣстѣ не умѣлъ шадить виновныхъ. Онъ это знаетъ по опыту.

На комиссара Груздева смотрѣли съ ненавистью.

Изъ десятка глазъ видныхъ ком-

мунистовъ на Груздева смотрѣла неумолимая смерть.

Жестко прочеканилъ голосъ предсѣдателя.

— Гдѣ жила ваша любовница? Каковы ея внѣшнія особенности? Кто ея знакомые?

Комиссаръ Груздевъ приготовился къ смерти, и онъ не понималъ обращенныхъ къ нему вопросовъ.

— Я... я не виноватъ... Меня одурманили... Пощадите! — безсвязно лепеталъ онъ.

— Отвѣчайте мнѣ на вопросы! — вспылъ еврей: — Иначе, я сію минуту отдамъ распоряженіе о вашемъ разстрѣлѣ!

На Груздева напалъ смертный ужасъ. Передъ глазами заходила вся комната. Вотъ, кажется, спускается на его голову потолокъ... Сейчасъ раздавить. Ближе, ближе. Комиссаръ Груздевъ съежился, покачнулся назадъ, и плашмя упалъ на полъ безъ сознанія.

Еврей перекопился отъ злости.

— И такая протоплазма — комиссаръ! Въ наше время не люди нужны, а звѣри! Убратъ его въ камеру впередъ до особаго распоряженія!

Когда убрали Груздева, въ комнатѣ встала тишина. Предсѣдатель,

въпившись длинными пальцами въ свою курчавую шевелюру, думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ и неразрѣшимомъ.

Вдругъ распахнулась дверь, и дежурный красноармеецъ громко произнесъ:

— Товарищъ Блюмкинъ, васъ просятъ къ телефону. Вызываютъ съ китайскаго посольства.

Черезъ четверть часа въ совѣщательную комнату вихремъ въбѣжалъ возбужденный Блюмкинъ и, захлебываясь словами, размахивая руками и брызгая слюной, заговорилъ:

— Въ китайскомъ посольствѣ какая-то красивая женщина убила главнаго секретаря посланника Ли-Чина. Немедленно насъ вызываютъ туда. Товарищи, ни минуты промедленія. За мной! Это вѣроятно та самая женщина, которая обольстила и Груздева!

Поздно вечеромъ черный автомобиль, наполненный вооруженными коммунистами, подъѣзжалъ къ зданію китайскаго посольства.

16.

На одной изъ самыхъ глухихъ и жуткихъ улицъ Петрограда, гдѣ

ночью нельзя пройти без риска подвергнуться нападению грабителей, в грязном подвале большого темного дома, при свете свеч, сидела Любка-Огонь, Власов и Бегемот и шопотом вели разговор.

За маленьким окном, плотно занавешенным одеялом, давно уже притаилась жуткая, молчаливая ночь. Спал голодный, вымерший, напуганный Петроград, не спали только Любка-Огонь, Власов и Бегемот. Обдумывали планы бегства с документами, к бѣлым. Бѣгство сопряжено было с большим риском. Много требовалось ума, такта и осторожности.

После долгих разговоров рѣшили на поѣзд не ѣхать, так как можно ожидать неминуемого ареста, несмотря на все уловки и ухищрения со стороны Любки. Без сомнения коммунисты поднимут на ноги всех, чтобы отыскать похищенные документы. Единственный оставался выход, очень смѣлый и опасный, это раздобыть моторную лодку, и ночью, по Невѣ, спуститься к Финскому заливу и дальше к берегам Эстонии или Финляндии.

Раздобыть лодку вызвался Власов, который, представив часо-

вому одно из удовольствий, раздобытых Любкой у комиссара Груздева, получить по ордеру запас бензина, запастись продуктами и увезти лодку в укромное мѣсто, а потом, соблюдая большую осторожность, остальные придут в условленное время уже готовые пуститься в дальнее плавание.

Побѣг рѣшили устроить в эту же ночь. Власов одѣлся в кожаные штаны и кожаную тулупку, приобретенные Бегемотом на всякій случай, взял два маузера и совсем стал похож на комиссара.

Неслышно Власов вышел из подвала на темную улицу. Моросил мелкий осенний дождь. С Невы дул острый, словно иглистый вѣтер. Насистывая интернациональ, Власов смѣл зашагал по улицам.

17.

Когда ушел Власов, Любка тихо попросила Бегемота.

— Затопи, пожалуйста, печку. Мнѣ очень холодно.

Бегемот не заставил себя долго ждать, и через десять минут в печкѣ весело горѣло огонь.

Любка подвинулась к огню и о чем-то задумалась. Розовые блики озарили ее лицо, и оно стало еще тоньше и красивѣе.

Бегемот наблюдал за ней, и какая-то хорошая, трогательная жалость к Любкѣ шевельнулась в его крѣпкой душѣ.

Он думал:

— Бѣдная Любка! Бѣдная красавица, жить тебѣ да радоваться, а тут, жить в тревогѣ, всегда под угрозой смерти... не видишь ты отдыха.

И вдруг, Бегемот, увидѣл как из глаз Любки, быстро, как падение звѣзды, упала одна слезинка, другая, третья.

— Мужа вспоминаешь, — с грустью подумал Бегемот. — Любимая она его, говорят, очень. Разстрѣляли молодого, красиваго.

Бегемот подвинулся к Любкѣ, и тихо, отечески-нѣжно погладил ее по головѣ.

Любка закрыла лицо руками и заплакала. Не было сильной, смѣлой, похожей на мужчину Любки, а была тихая, страдающая женщина, которую хотѣлось жалѣть.

Сквозь всхлипы она говорила:

— Ненавижу их, ненавижу! Они любимого моего отняли! Солнце мое погасило! Это не я плачу, а страдание мое плачет. Мстить буду, мстить буду! Тяжело мнѣ, друг мой! Очень тяжело!

Бегемот как умѣл, старался утѣшить ее.

— В печкѣ догорели огни. Тихо звенѣли угольки. У Любки слиплись глаза, и была она похожа на маленькую дѣвочку, которой очень хочется спать, но она боится идти в свою темную, жуткую спаленку. То закроет глаза, то опять откроет. Хотѣлось заснуть от длинных тяжелых дорог, от глубоких волнений, от всего.

— Засните, Любовь Васильевна! — с участіем посоветовал ей Бегемот.

— Хорошо, — сквозь дрему говорила Любка. — Засну, а ты покарауль меня, сильный мой друг.

Бегемот ревниво оберегал сладкій, глубокий сон усталой Любки.

(Продолжение слѣдует).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

18

На Невѣ вѣтеръ бушевалъ во-всю. Власов сидѣлъ въ моторѣ и настороженно, безпокойно поджидая своихъ сотоварищей.

Кругомъ — никого. Черная осенняя ночь окутала городъ и ревущую Неву тяжелымъ покрываломъ. Въ трехъ шагахъ человека ничемъ не увидишь...

Гдѣ-то неподалеку, въ кустахъ, послышался крикъ совы. Одинъ, другой, третій.

— Наши идутъ! — встрепенулся ожившій Власовъ и на секунду прорѣзалъ ночь яркой вспышкой электрическаго фонаря.

— Ну что, какъ дѣла? Все-ли въ порядкѣ? — спросила у него, скользя изъ кустовъ, Любка-Огонь.

— Все... все... — торопливо зашепталъ онъ, — и бензинъ, и карабины... даже пулеметъ есть, — и Власовъ, любовно-ласково погладилъ холодное дуло пулемета.

— А тогда за дѣло! Ни минуты задержки! Всѣ по мѣстамъ! — рѣшительно командовала Любка и, нащупавъ борть лодки, перемачнула черезъ него.

— Вѣтеръ какой!.. буря на морѣ... утонемъ мы... — жалобно прошепталъ Бегемотъ, больше всего на свѣтѣ боявшійся обманчивой воды и женщинъ.

— Утонемъ, туда и дорога! — сурово отвѣтила Любка. — Лучше погибнуть отъ бури, чѣмъ попасть имъ въ руки... Всѣ агенты на ногахъ, ищутъ насъ въ городѣ и кругомъ него... Пощады ни кому не дадутъ.

— То то и оно-то! — шумно вздохнулъ Бегемотъ и, навалившись животомъ, перелѣзъ въ лодку.

Моторъ глухо стукнулъ и лодка ринулась на середину рѣки, навстрѣчу новымъ опасностямъ, новымъ приключеніямъ.

19

Лодка была на Лахтѣ, когда въ глаза всѣмъ четверымъ ударилъ ослѣпительный свѣтъ прожектора, и сразу же зашелкала, заплѣли пули съ сторожевого катера неподалеку.

Любка нажала на руль и взяла курсъ въ открытое море. Ваня-Офицеръ и Бегемотъ, какъ одинъ, схватились за карабины и разря-

дили обоймы въ глядѣвшій на нихъ глазъ прожектора.

На-те, кушайте на здоровье! — вызывающе — весело крикнулъ Ваня-Офицеръ и, вдругъ застонавъ, опрокинулся на руки Бегемота.

— Ранили... еще этого не хватало! — сквозь зубы проговорила Любка, бросила руль и навела пулеметъ на прожекторъ.

— Тра-та-та! — какъ горохъ, посыпались пули и сразу же, какъ вѣтромъ, сдунули, загасили неумолимый, безжалостный свѣтъ.

— Ай-да, Любка, ура! — восторженно разсмѣялся Власовъ и прибавилъ хода въ машинѣ.

20.

Въ эту ночь море, казалось, сошло съ ума. Громадные саженные валы, какъ игрушку, бросали лодку на всѣ стороны, и минутами явная гибель стояла у всѣхъ четырехъ передъ глазами.

Промошныя насквозь, измученные событіями послѣднихъ дней, они положились на судьбу, которая всегда помогала имъ.

Прошло три... четыре часа. Мутный разсвѣтъ сталъ заниматься на небѣ.

— Земля! — громко, не сдерживая радость, охватившей его, крикнулъ Бегемотъ.

Въ блѣднѣлыхъ сумеркахъ осенняго

утра показался вдали берегъ. Лѣсъ и лѣсъ, а кругомъ ни души.

— Пристанемъ! — коротко приказала уставшая Любка и лодка, мигая камнями, вѣзлась птицей въ разбухшій песокъ.

— Плыли долго, а куда попали одному Господу Богу извѣстно! — сокрушенно вздохнулъ Бегемотъ. — Въ Эстонию, Финляндію, а можетъ бы и къ нашимъ краснымъ — голубикамъ вернулись?!

— Сейчасъ увидимъ! Быть наготовѣ! — бросила Любка и первой вышла на берегъ.

За ней потянулись другіе, держа карабины наготовѣ.

Не успѣли войти въ лѣсъ, какъ со всѣхъ сторонъ послышались, всколыхнули тишь громкіе, злые крики:

— Вотъ они! Попались, голубчики! Держи ихъ!

И вездѣ, изъ-за деревьевъ, выросли, показались черные силуэты красныхъ.

— Стрѣляй и спасайся, кто можетъ! — крикнула Любка-Огонь и разрядила, не цѣлясь, свой маузеръ.

(Продолжение слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

21

Любкѣ удалось уложить на мѣстѣ двухъ красноармейцевъ, но въ это время двое другихъ подошли къ ней спиной и скрутили руки. Какъ бѣшеный звѣрь, рвалась Любка, пытаясь разорвать до боли вѣзавшіяся въ тѣло смоленныя веревки, а послѣ долгаго отчаяннаго сопротивленія рѣшила подчиниться силѣ.

Связанную Любку, вмѣстѣ съ ея боевыми товарищами Бегемотомъ и Власовымъ, толкнули въ моторную лодку и окружили ихъ тѣснымъ вооруженнымъ кольцомъ.

Бушевало. Волны такъ и ходили. Любкѣ казалось, что все потеряно. Рѣшила подчиниться своей уча-

сти. Вдругъ Любка почувствовала, какъ кто-то осторожно лѣзетъ въ ея потайной карманъ, гдѣ хранились документы. Обернулась и увидѣла Власова, который незамѣтно для окружающихъ хитро подмигивалъ ей глазомъ.

— Не падай духомъ! Не пропадемъ..

Любка, затаивъ дыханье, слушала какъ Власовъ осторожно вынималъ документы изъ кармана. Съ тревогой поглядывала на красноармейцевъ, которые, очевидно, рѣшивъ, что пойманные преступники всеравно не убѣгутъ, преспокойно поставивъ винтовки къ бортамъ лодки, курили и разговаривали, глядя на высокія, бушующія волны моря.

Въ то время, когда разговаривали красноармейцы, Бегемотъ острымъ маленькимъ ножомъ перерѣзывалъ веревки на рукахъ Любки.

Минуты были страшныя. Впереди грозила всѣмъ троицѣ неминуемая смерть въ мрачныхъ подвалахъ чека. Необходимо было на что нибудь рѣшиться. Власовъ осторожно подвигался къ карабину. Вотъ, уже онъ коснулся его рукой, хотѣлъ взять, но въ это время обернулся на него красноармеецъ. Власовъ успѣлъ наклонить голову, словно думалъ о безвыходности своего положенія.

— Попался голубчикъ! — ухмыльнулся красноармеецъ.

Недолго думая, Власовъ вдругъ схватилъ карабинъ, и закричалъ такимъ звѣринымъ крикомъ, отъ котораго невольно вздрогнуть самыя притупленные нервы: — Ни съ мѣста. Стрѣлять буду! А вы

друзья — быстро кинуть онъ въ сторону Любки и Бегемоту, — бросайтесь въ воду... Одинъ для насъ выходъ!

Тѣ — не заставили себя долго ждать, и бросились въ бушующіе волны моря, на глазахъ ошалѣвшихъ отъ неожиданности красноармейцевъ.

На моторной лодкѣ завязалась отчаянная борьба.

Лодка колыхалась изъ стороны въ сторону и грозила опрокинуться. Люди, занятые борьбой, этого не замѣчали. Прогремѣлъ выстрѣлъ. Кто-то застоналъ. Море бросило лодку изъ стороны въ сторону. Моторъ остановился.

И вдругъ, къ ужасу людей, лодка стала заливаться водой...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

22.

Трудно было справиться съ громадными валами даже такимъ хорошимъ премированнымъ пловцамъ, какъ Любка и Бегемотъ.

Такъ близко, всего въ двухъ десяткахъ саженей, скучно и холодно мутнѣетъ берегъ, хмуро зеленеетъ осенній лѣсъ. Тамъ жизнь и спасенье, только бы уйти, убѣжать подалѣе въ самую чашу! А здѣсь?! Здѣсь вѣрная гибель и смерть, и помощи ни откуда.

— Держись, Бегемотъ! Скоро и берегъ! — крикнула ободряюще Любка и захлебнулась соленой водой.

И, когда силы мало по малу стали покидать ее и казалось, что еще немного, чуть-чуть, и — конецъ всему! — она, какъ во снѣ, услыжала радостный крикъ перегнавшаго ее Бегемота.

— Сюда, сюда! Здѣсь мель начинается. Я ногами дно достаю.

Еще минута, другая и, подгоняемые кипящимъ прибоемъ, оба они,

падая и спотыкаясь отъ усталости, выходили на безлюдный берегъ.

— Скорѣе въ кусты, скрыться отъ глазъ, а тамъ отдохнемъ... согрѣея! — трясаясь отъ озноба, прошептала Любка и быстро, насколько могла, пошла къ сердито шумѣвшему лѣсу.

А когда подошла къ опушкѣ, не удержалась и посмотрѣла назадъ на море, гдѣ остался въ моторной лодкѣ геройски погибшій Власовъ и раненый, обезсилѣвшій отъ потери крови Ваня-Офицеръ.

Оглянувшись и увидѣла, что по старому дѣлятся сѣдые валы, и кругомъ ни души. Никто не спасся, всѣ погибли до одного.

Вадохнула печально и вадрогнула, какъ отъ удара хлыстомъ, когда Бегемотъ, отошедшій не много въ сторону, съ дикой радостью въ голосъ крикнулъ:

— Спасены! Мы — спасены! — и кинулся къ ней, размахивая на ходу цѣлой парой револьверовъ. — А вотъ и мѣшокъ... должно быть

красные впопыхахъ, когда пекали насъ, позабыли здѣсь.

— Идемъ въ лѣсъ! — тревожно сказала Любка, и оба они исчезли, растаяли въ густыхъ кустахъ опушки.

23.

Прошли около часа, путая, заплетая слѣды, и рѣшили передохнуть немного.

Выбрали густой, непролазный олешнякъ и залѣзли, какъ дикіе звѣри, въ самую середину. Сидѣли, прижавшись и согрѣвая другъ друга тѣлами.

— Хорошо-бы костерокъ развести да посушиться. А тамъ поѣсть, покурить и на боковую! — беззаботно, словно у себя дома, въ комнатѣ, мечтательно вздохнулъ Бегемотъ, который быстро свылся съ самыми безвыходными положеніями, а въ Европейскую войну подъ нѣмецкими «челюдами» преспокойно раскуривалъ папиросы.

Любка-Огонь улыбнулась и ласково, по-матерински, погладила его по взъерошенной головѣ:

— Намъ что! Мы спаслись... живы пока... А они, друзья наши, погибли, и никогда-то, никогда не увидишь ихъ. И документы тоже съ ними пропали. Изъ-за какихъ-то

дурацкихъ бумагъ пришлось загубить двухъ людей.

Въ голосѣ ея зазвенѣли съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

Странная женщина! Въ минуты опасности не знавшая никакого страха, Любка временами, когда дѣло касалось близкихъ и дорогихъ сердцу людей, превращалась въ глубоко чувствующую и страдальческую дѣвушку, и тогда еще пылнѣе и прекраснѣе становилось ея одухотворенное лицо и еще ярче, бездонными, голубыми озерами казались ея такіе большіе глаза.

— Не вѣрю я въ это! — спокойно отвѣтила Бегемотъ.

— Во что?

— Да въ то, что они погибли. Увѣренность у меня въ душѣ, что спаслись они. Вотъ, погодите, только бы выбраться намъ отсюда, обязательно встрѣтятся съ ними.

— Жалко мнѣ ихъ... Сколько опасностей, горя и радости, какъ родные, дѣлили пополамъ и вдругъ — конецъ! — чуть слышно сказала Любка и въ раздумьи опустила голову на грудь.

24.

Посидѣли, отдохнули, перекусили хлѣбомъ, который нашли въ красно-

армейскомъ мѣшкѣ, и, руководясь компасомъ, пошли въ сторону желѣзной дороги, думая опять про-браться въ Петроградъ.

А къ вечеру, когда начало смер-жаться, и бѣлые лохмы тумана уже цѣловали озябшую землю, лицомъ къ лицу столкнулись съ отрядомъ зеленыхъ, заставшихъ въ лѣсу отъ красныхъ...

Поодаль долой ходьбы по болоту вышли на поляну и вдругъ услы-шали властный окрикъ:

— Руки вверхъ! Кто идетъ?

Взглянули и увидѣли двухъ лю-дихъ солдатъ съ винтовками на изготовку.

Думая, что они наткнулись опять на красныхъ, Любка-Огонь выхва-тилъ револьверъ и хотѣла оказать отчаянное сопротивление, но даль-новзорный Бегемотъ успѣлъ разгля-дѣть своихъ противниковъ, схва-тивъ ее за руку и предупредилъ выстрѣлъ.

— Васька, чортъ корявый! Ты, что это? Своихъ друзей не узна-ешь! — крикнулъ онъ рыжему, бо-родатому солдату и двинулся ему навстрѣчу.

— Бегемотъ, ты ли это? Вотъ не думалъ не гадалъ! — обрадовался

тотъ и, бросивъ винтовку, принялся обнимать и цѣловать Бегемота.

Когда-то, еще въ Европейскую войну, оба пріятеля служили въ одномъ полку, пили-ѣли изъ одного котелка и были друзьями, не разлей вода...

— Идемъ къ намъ. Полюбуйся на наши окопы! — съ гордостью ска-залъ Васька, послѣ того какъ про-шли восторги первой встрѣчи, и повелъ его и молчаливую Любку впередъ, въ окопы.

— А это, кто такой? — шепнулъ онъ на ухо Бегемоту, и тотъ въ ко-роткихъ словахъ рассказалъ ему исторію похождения Любки.

— Такъ вотъ она какая! — съ уваженіемъ посмотрѣлъ Васька на шедшую позади Любку, подождать, когда она поравнялась съ нимъ, и, приложивъ руку къ козырьку, ска-залъ:

— Позвольте познакомиться... Бѣловъ — студентъ-математикъ, по-ручикъ Великой войны, а въ насто-ящее время вольный гражданинъ земли Россійской...

Темнѣло въ лѣсу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

25.

Лагерь зеленыхъ былъ устроенъ на славу.

Въ глухомъ лѣсу, тянувшемся на десятки верстъ, на веселой полянѣ среди задумчивыхъ сосенъ, рука зеленыхъ построила окопы, не уступающіе фронтовымъ.

— У насъ не только пулеметы, даже скорострѣльная пушка есть! — съ гордостью говорилъ Бѣловъ, показывая Любкѣ и Бегемоту усто-ройство окоповъ.

— Попробуй, сунься сюда крас-ные, такъ угостимъ, по первое чи-сло не забудутъ.

— А хлѣбъ и другіе продукты, откуда берете вы? — спросила у него Любка.

— Изъ окрестныхъ деревень му-жики и бабы приносятъ. У насъ все мѣстные здѣсь... У кого въ де-ревнѣ отецъ и мать, у кого жена и другая родня.

— И никто еще не донесъ на васъ?

— Что вы? У насъ на этотъ счетъ драконовскіе законы... Вѣрная смерть тому, кто измѣнитъ намъ. Всеравно не уйдетъ, на дѣи моря разыщутъ. Да и нѣтъ такихъ про-хвостовъ среди насъ. Ребята на рѣдкость, одинъ къ одному...

Веселымъ, золотымъ свѣтомъ ллѣсало пламя костровъ, на кото-рыхъ варился ужинъ. Въ чуткомъ посвѣжаемомъ вечернемъ воздухѣ разносился кругомъ аппетитный запахъ.

— Да вы здѣсь лѣсными царь-ками живете! — разсѣялся Беге-мотъ, похлопывая по плечу Бѣлова.

Они подошли къ землянкѣ, у которой горѣлъ самый большой костеръ, и Бѣловъ познакомилъ прибывшихъ съ командиромъ от-ряда и другими земляниками.

Сидя въ кружкѣ тѣсно обступив-шихъ людей, Любка съ увлеченіемъ, въ красочныхъ словахъ рассказала исторію своихъ походовъ и о томъ, какую награду обѣщали крас-ные за ея поимку.

— Ну, у насъ-то вы, какъ у Хри-ста за пазухой. Предателей нѣтъ, люди свои! — успокоительно замѣ-тилъ командиръ отряда и повелъ бѣглецовъ на ночлегъ въ землянку.

26.

Любкѣ не спалось.

Въ крохотное мутное окошко зе-млянки, расплываясь обманчивымъ свѣтомъ, глядѣлъ серебристый мѣ-сяцъ. Глухо и загадочно шумѣлъ лѣсъ.

Въ душномъ воздухѣ, слабо мѣ-гая скупымъ огонькомъ, чедила са-модѣльный ночникъ.

На нарахъ алошалку спали зеле-ные и видѣли во снѣ свои избѣ-ныя деревни, женъ, дѣтей и род-ныхъ.

Густо, по протоѣянски, хра-пѣлъ усталый Бегемотъ. Любка ле-жала, полускрывъ глаза, и дума-ла о томъ, какія испытанія ожида-ютъ ее впереди...

Такъ незаметно, въ раздумьи, прошелъ часъ, другой.

Въ дальнемъ углу землянки за-шевелился кто-то и тихо, осторож-но, стараясь не производить шума, слѣзъ съ наръ и подошелъ къ ночнику. Слѣдъ за нимъ поднялся еще другая фигура и послышался придушенный шопотъ.

Любка насторожила слухъ и взд-рогнула, поймавъ слова:

— За нее красные цѣлую кучу денегъ отсыпять, и грѣхи всѣ простятъ...

— Никакъ обо мнѣ говорятъ! — мелькнуло у ней въ головѣ, и Люб-ка, затая дыханье, стала ловить обрывки разговора, которымъ об-мѣнивалось двое.

— Не бойся... плюнь на все. Съ деньгами вездѣ проживешь!.. уго-варивалъ первый второго.

— Боязно какъ то... Узнаютъ, по-шады не дадутъ, убьютъ на мѣстѣ...

— слабо отнѣкивался тотъ.

— Эхъ, ты, дурая голова! — на-

стойчиво, какъ демонъ — искуси-тель, продолжалъ нашептывать первый. — Дѣло вѣрное, говорю тебѣ. Я записку напишу, и буду караулить ихъ обоихъ здѣсь, а ты съ запиской бѣги въ городъ, въ чека и приведи сюда коммунистовъ. Да людей пускай побольше возьмутъ... ночью всѣхъ, какъ курей, перевяжутъ. Ну да я про все это въ запискѣ напишу. Такъ какъ-же, по рукамъ что-ли?

— По рукамъ! Только ты не об-мани, смотри... Деньги пополвамъ, какъ говорили.

— Ладно, чего тамъ. Не обману! — послышался шопотъ и черный силуэтъ челоѣка наклонился надъ столомъ, на которомъ горѣлъ ноч-никъ.

27.

«Такъ вотъ вы что задумали! — мелькнуло въ головѣ у Любки, въ то время, какъ неизвѣстный си-дѣлъ за столомъ и писалъ записку.

— Ну, нѣтъ, голубчики, это вамъ не пройдетъ даромъ. Мы еще по-смотримъ, кто кого перехитритъ.»

И Любка, почуя задоръ въ душѣ, сжалась въ одинъ комокъ на пря-женныхъ нервахъ.

Такъ прошло около полчаса. Неизвѣстный кончилъ письмо и перервалъ его товарищу, зашавъ предвѣрительно въ шапку.

— А теперь, въ дорогу, айда! — снова зашепталъ онъ. — Будущей ночью я ожидаю васъ... Да пускай

деньги съ собой возьмутъ. Здѣсь и подѣлимъ съ тобой, а тамъ кто куда!

— Никуда! — загремѣла Любка, вскочивъ съ нарѣ и направивъ револьверъ на ошеломленныхъ заговорщиковъ... — Измѣна!.. Вставай-те, кому жизнь дорога! — звонко кричала она, и съ нарѣ, какъ горохъ изъ мѣшка, посыпались переполошенные люди.

— Что случилось?

— Въ чемъ дѣло?

— Красные что-ли идутъ?

— Слышались со всѣхъ сторонъ недоумѣнные вопросы.

Указывая рукой на зеленого, который собирался идти въ городъ, Любка коротко приказала:

— Возьмите у него шапку и вы найдете въ ней доказательство того, что ваши-же люди хотѣли предать насъ большевикамъ.

Грозный ропотъ голосовъ отвѣтилъ на ея слова.

Шапку моментально вспоролъ и въ рукахъ командира зеленыхъ очутился помятый клочекъ бумаги. Онъ пробѣжалъ его глазами и съ недоброй усмѣшкой велѣлъ связать обоихъ предателей.

— Друзья мои! — заговорилъ онъ, послѣ того, какъ въ землянкѣ настала могильная тишина. — Вы знаете сами въ какое время живемъ мы. Мы связаны одной общей круговой порукой, и предателямъ нѣтъ мѣста среди насъ. Я спраши-

ваю: какое наказаніе заслужили эти люди, которыхъ мы пріютили у себя и которые хотѣли продать насъ и нашихъ гостей коммунистамъ?

— Смерть! — раздался единодушный отвѣтъ.

— Пусть будетъ такъ. Повѣсьте ихъ сейчасъ-же! — сурово приказалъ командиръ.

Блѣдныхъ, дрожащихъ отъ ужаса, заговорщиковъ подхватили за руки и вывели на поляну. При свѣтѣ пылавшихъ факеловъ, молча, закинули веревки на двѣ березы и подвели къ нимъ приговоренныхъ къ смерти.

— Сжальтесь, пощадите! У меня дома жена и дѣти! — навзрыдь рыдалъ и упрашивалъ одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который долженъ былъ привести изъ города красныхъ.

— А ты жалѣлъ насъ, когда рѣшался на такое дѣло! — съ ненавистью въ голосѣ отвѣчали ему.

Еще пара-другая минутъ и на пугливо шумѣвшихъ березахъ, раскачиваемые вѣтромъ, висѣли два трупа...

Пылали факелы около нихъ. Грозно гудѣлъ черный лѣсъ, да въ небѣ, какъ что-то пролитыя слезы, дрожали холодныя осеннія звѣзды...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

28.

Послѣ непрерывныхъ осеннихъ дождей и хмурости выглянуло солнце. Рваной радостью обняло оно золотой лѣсъ, приглубило, обладало маленькія, ушедшія въ землю темныя землянки.

Любка вышла изъ темной землянки на воздухъ.

— Какая кругомъ радость! — прошептала она, взглянувъ на деревья, облитыя солнцемъ, золотомъ и пурпуромъ, и почувствовала Любка, какъ осенняя хрустальная тишина заполняетъ и ея усталую, не на минуту не отдохнувшую душу. Когда входила тишина въ душу Любки, она не дышала, словно боясь своимъ дыханіемъ вспугнуть долгожданную тишину.

И вдругъ глазамъ Любки представились два трупа повѣшенныхъ на березахъ, и тишина, такаяжданная, такая цѣлительная, отхлынула, словно испуганная черными видѣніями.

— Проклятое время! — прошептала она, до боли стиснувъ зубы, съ омерзѣніемъ отворачиваясь отъ страшной картины.

Она ушла въ синюю глубину лѣса, дальше отъ человѣка, отъ злыхъ его звѣринныхъ дѣяній.

Она шла по тихимъ поникшимъ травамъ и въ головѣ почему-то проносились воспоминанія о дѣвчествѣ, о бѣломъ платьѣ причащенья, о бѣло-розовыхъ цвѣтахъ яблонь въ саду, о первомъ тихомъ признаніи жениха, о вѣнчальныхъ свѣчахъ...

На глазахъ зажглись слезы. Она подняла тоскующіе глаза свои къ синему небу и съ тихимъ укоромъ спросила:

— Зачѣмъ Ты меня такъ наказываешь?

Небо, и вся земля, залитая солнцемъ, золотомъ и пурпуромъ, улыбались старческой мудрой улыбкой и словно шептали ей усталой, измученной:

— Потерпи... все будетъ хорошо. Не ты одна наказана, а вся земля, даже и дѣти...

— Зачѣмъ это? — опять спросила она синее небо и заплакала.

Былъ полдень, когда пришла Любка къ зеленымъ. Позвали обѣдать.

Столъ былъ обильный. Даже съ водкой.

За столомъ было весело, но Любкѣ было тоскливо. Не привыкшую за послѣдніе дни къ сидячему образу жизни, ее тянуло опять въ дорогу, къ тому жуткому и неизвѣстному, что еще стоитъ передъ глазами высокой, неодолимой стѣной.

— Стѣну надо одолѣть! — думала Любка, плотнѣе сжимая губы и сдвигая черныя брови.

Послѣ обѣда Любка позвала Бегемота и тихо сказала:

— Надо уходить.

— Мнѣ что? Пойдемте.

Къ вечеру рѣшили уйти отъ гостепріимныхъ хозяевъ.

29.

По лѣснымъ, едва примѣтнымъ тропинкамъ тронулись они въ путь-дорогу. Ихъ провожалъ зеленый,

знавшій весь лѣсъ, какъ свои пять пальцевъ. Молодой, безусый, съ дѣвичьимъ, нѣжнымъ лицомъ, на которое еще не успѣла наложить своей печати суровая жизнь, онъ казался подросткомъ, и странно было видѣть его съ винтовкѣй за плечами и патронами въ перевязяхъ на груди.

— Я что? Я одинъ... сирота бездомный! — говорилъ онъ, скользя легкимъ звѣремъ, по неровной тропинкѣ. — Былъ у меня отецъ и мать да убили ихъ осенью, въ семнадцатомъ году... Помѣшки! — буржуа, какъ-же не убить такихъ!.. А про то позабыли, что въ голодные и холерные годы отецъ и мать, не щедя своей жизни, помогали имъ.

Было страшно и жутко въ темномъ лѣсу. Багровый свѣтъ факела выхватывалъ кусты и деревья, и они казались живыми, готовыми броситься на людей существами.

Сердце Любки ныло тонкой покалывающей болью, словно говорило, предупреждало ее о тѣхъ опасностяхъ, которыя ждутъ впереди.

Часовъ черезъ пять, послѣ утомительной ходьбы, всѣ трое вышли

на полотно желѣзной дороги къ кроваво-красному глазу семафора, и Любка съ Бегемотомъ сердечно, какъ давно знакомые люди, распрощались съ полюбившимся имъ зеленымъ.

30.

Вышли на полотно и пошли въ сторону станціи, на которой маячили зарево огней и доносились крилы маневрового паровоза.

Не успѣли пройти и четверти версты, какъ навстѣчу изъ темныхъ кустовъ метнулась фигура человѣка въ кожаной курткѣ и такихъ-же галифѣ.

— Кто такіе? Куда? Ваши документы! — крикнулъ онъ и направилъ на Любку и Бегемота яркий свѣтъ электрическаго фонаря.

— Деревенскіе мы! Изъ Ручьевъ идемъ! — ласково отвѣтила Любка, вытаскивая изъ карманѣ острый, какъ бритва, кинжалъ.

— Ваши бумаги покажите! — резко приказалъ тотъ и не успѣлъ собразить въ чемъ дѣло, какъ Бегемотъ выбилъ у него фонарь изъ рукъ и цѣпкими желѣзными руками впился ему въ горло.

— А-а-а!.. — прохрипѣлъ не-

знакомецъ и тяжелымъ тѣломъ упалъ въ ноги Любкѣ.

— Спрячу его въ кусты подальше! — шепнулъ Бегемотъ, опасливо оглядываясь по сторонамъ, и, взваливъ тѣло убитого на плечи, съ шумомъ пошелъ въ кусты.

Мимо, тяжело дыша, словно загнанная лошадь, пробѣжалъ паровозъ и застучали, заговорили съ услужливымъ эхомъ колеса товарныхъ вагоновъ.

— Поѣздъ-то въ сторону Петрограда идетъ! — сказалъ Бегемотъ, становясь рядомъ съ Любкой. — Идемъ поскорѣе, можетъ и поспѣемъ еще.

Тихо, неслышно скользящими привидѣніями они обошли станцію и подошли къ устало вздыхавшему паровозу.

— Залѣземъ на тендеръ, зароемся въ уголь, и такимъ образомъ поѣдемъ въ Петроградъ! — сверкнувъ голубыми глазами, чуть слышно сказала Любка и, изогнувъ гибкое, послушное тѣло, осторожно залѣзла на тендеръ.

Слѣдомъ за ней поднялся и Бегемотъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

31.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вдали послышалась заливающая трель оберъ-кондукторскаго свистка, паровозъ отвѣтилъ ему басовымъ крикомъ и тронулся съ мѣста, постепенно увеличивая скорость.

Любка и Бегемотъ устроили яму въ углу и прикурили въ ней, обложивъ себя большими кусками угля.

Яркими золотыми мухами летели надъ ними искры изъ трубы паровоза. Съ раздумнаго осенняго неба печально глядѣли печальныя звѣзды.

Прягалъ и раскачивался тендеръ на смятыхъ рельсахъ. Зловѣще кричалъ паровозъ и, прорѣзая желѣзною грудью темныя дали ночи, сказочной птицей летѣлъ впередъ и впередъ.

— Все это хорошо до поры до времени! — сказалъ Бегемотъ. — Въ Питеръ прїѣдемъ, когда свѣтать начнетъ... Какъ мы такими эфиопами вылѣземъ съ тендера и пойдемъ въ городъ?

— Объ этомъ не думай! — успокоила его Любка. — Только бы доѣхать, а тамъ обойдемся какънибудь. Вспомни, сколько разъ въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ, когда казалось помощи ждать не откуда, сама судьба выручала насъ.

— Тише, кто-то сюда идетъ! — тревожно шепнулъ Бегемотъ, и оба они тѣсно прижались другъ къ другу, стараясь занимать какъ можно меньше мѣста.

Въ отверстіи, которое вело изъ будки машиниста на тендеръ, по-

казалась высокая фигура кочегара съ лопатой въ рукахъ.

Тяжело ступая грузными сапогами, онъ прошелъ въ сторону ямы и, стоя всего въ двухъ шагахъ отъ заставившихъ людей, принялся съ шумомъ выгребать и выкидывать уголь.

Мелкіе куски и пыль летѣли на Любку и Бегемота, забирались въ глаза, ротъ и носъ. Долго терпѣлъ Бегемотъ, зажимая лицо руками, но наконецъ не выдержалъ и чихнулъ разъ, другой, третій.

Какъ ни шумѣлъ паровозъ, кочегаръ все-таки разслышалъ непонятные, странные звуки, раздавшіеся рядомъ съ нимъ, и, выронивъ лопату, торопливо, чуть не бѣгомъ, повернулъ назадъ въ будку.

Поѣздъ, замедляя ходъ, подходилъ къ станціи.

— Пропали... что дѣлать теперь? Проклятая пыль... не могъ удержаться! — оправдывался Бегемотъ передъ Любкой, ставшей на колѣни и зорко, до боли въ глазахъ, гля-

дѣвшей впередъ, на выростающее тусклое зарево станционныхъ огней.

— Весь вопросъ въ томъ, выдадутъ они насъ или нѣтъ? — прошептала безпокойно Любка.

— Во всякомъ случаѣ надо быть наготовѣ. Давай лучше перелѣземъ на крышу вагона, а тамъ посмотримъ какъ быть.

Выйдя изъ ямы, она перекинулась тѣломъ за заднюю стѣнку тендера, наклонилась впередъ и руками вцѣпилась въ лѣсенку вагона, которая вела на крышу.

Напрягла мускулы и легко, свободно взобралась и легла на крышѣ вагона.

32.

Слѣдомъ за ней, пытая и отдуваясь, забрался на крышу Бегемотъ.

Несмотря на то, что поѣздъ уже давно замедлилъ ходъ, въ лицо обоимъ дулъ порывистый вѣтеръ. Прильнувъ тѣломъ къ холодному желѣзу крыши, они ожидали, что будетъ дальше.

Мимо них проплыло слабо освещенное здание станции с угрюмыми жуткими фигурами, вооруженными с ног до головы. Еще немного, и паровоз, захрапав большими легкими, вздрогнул и остановился на месте.

Прошло несколько минут тяжелого, полного муки, ожидания, и вдруг в чутком ночном воздухе раздались взволнованные голоса.

— Там на тендерѣ, у нас, забрался кто-то!

— Чертъ ихъ знаетъ, одинъ, двое или цѣлая дюжина!

— Нѣтъ, положительно, я отказываюсь ѣхать съ такимъ багажемъ... Можетъ, бѣлогвардейцы какіе, взорвутъ на дорогѣ весь поѣздъ, а я отвѣчай потомъ! — доносился до нашихъ знакомцевъ чей-то взволнованный крикъ.

— А вотъ мы пошупаемъ ихъ сейчасъ! — сказалъ кто-то, увѣренный въ своей силѣ, и сразу-же

яркій свѣтъ полыхнулъ въ тендеръ, полный угля.

— Были... прятались здѣсь... посмотрите, вонъ, яма!..

А вслѣдъ затѣмъ свѣтъ фонаря упалъ на крышу вагона, гдѣ, затая дыханье, притаились Бегемотъ и Любка.

— Вотъ они... тамъ... на крышѣ... — закричали на перебивку нѣсколько голосовъ: — оцѣпляй вагонъ скорѣе! — и сразу-же нѣсколько пуль, тонко посвистывая, пролетели мимо нашихъ бѣглецовъ.

— Бѣжимъ по крышамъ въ конецъ поѣзда, а тамъ будь, что будетъ! — скомандовала Любка и черною птицей перелетела на слѣдующій вагонъ.

Бегемотъ бѣжалъ сзади Любки, и на ходу разряжалъ двѣнадцати-зарядный ноганъ.

Яркіе вспышки огня прорѣзали ночную темь, а вокругъ — погоня, и, казалось, спасенія нѣтъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

33.

Бегемотъ и Любка добѣжали до конца поѣзда, и съ крыши послѣдлаго вагона прыгнули прямо на землю...

Передъ ними стоялъ старичекъ-кондукторъ съ дорожнымъ, слабо горящимъ фонаремъ.

Не успѣли они подумать, что дѣлать имъ, какъ старикъ-кондукторъ ласково, какъ отецъ дѣтямъ, сказалъ имъ:

— Гонятся за вами... поймать хотѣтъ... Заходите въ вагонъ... я спрячу васъ...

Любка и Бегемоту некогда было разсуждать о томъ, идетъ-ли имъ навстрѣчу этотъ незнакомый чело-вѣкъ или готовить предательство и засаду...

Погоня приближалась.

Терять времени было нельзя.

Одинъ за другимъ, они вскочили на подножку вагона. Слѣдомъ за ними, крихтя и охая, поднялся кондукторъ.

— Скорѣе, сюда!.. Зарывайтесь въ сѣно! — скороговоркой шепталъ онъ и, проведя бѣглецовъ въ сѣнный уголъ вагона, мигающимъ свѣтомъ фонаря освѣтилъ большую кучу сѣна.

Быстро, змѣйнымъ движеніемъ

скользнули они туда и во время какъ разъ!

За стѣнкой вагона раздались громкіе сердитые голоса погони.

— Да что-же это?

— Какъ будто сквозь землю провалились.

— Не могли убѣжать они, мы позади были.

— Можетъ на крышѣ гдѣ-нибудь притаились или въ вагонъ залѣзли?

— А вотъ мы пошупаемъ ихъ сейчасъ!

Минутою спусти въ вагонъ, съ револьверами въ рукахъ и винтовками за плечами, вошли красные.

Старикъ, словно ни въ чемъ не бывало, дремалъ на скамейкѣ.

— Ты, старый хрычъ! Чего разинулъ ротъ. Гляди, ворона влетитъ! — крикнулъ одинъ изъ нихъ, хлопая его по плечу.

Старикъ открылъ глаза и удивленно уставился на говорившаго непонимающимъ взглядомъ.

— Что вамъ? Чего надо? — спросилъ онъ.

— Мы тутъ бѣлогвардейцевъ ловимъ, а онъ спитъ! — злобно сказалъ рыжий красноармеецъ.

— Какіхъ бѣлогвардейцевъ! Можетъ вы сами естѣ! — притворился кондукторъ простофилей.

— Чего тутъ разговаривать съ нимъ — рѣзкимъ, не терпящимъ возраженія голосомъ, приказалъ третій, очевидно, начальникъ всѣхъ. — Осмотримъ вагонъ и пойдемъ, дальше... Не уйдутъ они отъ меня, Кто-то подошелъ къ сѣну и сталъ тискать его.

— А ты штыкомъ... Это вѣрнѣе будетъ! — сказалъ одинъ.

Красноармеецъ снялъ винтовку съ плеча и глубоко, до приклада, при-нался нащупывать сѣно.

Все ближе и ближе...

И вдругъ Любка почувствовала острую, рѣжущую боль въ плечѣ.

Хотѣла крикнуть, но, вспомнивъ, что вопросъ идетъ о жизни или смерти, сдержала себя и до крови закусилла свои пышныя алоцвѣтныя губы.

— Нѣтъ никого! Должно быть на крышѣ скоронились! — разочарованно проговорилъ одинъ, и, громко топоча ногами, красные вышли изъ вагона.

Прошло десять-двадцать минутъ. Любка и Бегемотъ лежали въ сѣнѣ и чуткимъ настороженнымъ слухомъ ловили шумъ и разговоры за окномъ.

— Что-то будетъ? — думалъ каждый изъ нихъ...

Гдѣ-то, позади, глухо крикнулъ свистокъ паровоза, а вслѣдъ за тѣмъ снова заговорили, заплѣли колеса вагоновъ.

Немного погодя, старикъ-кондук-

торъ подошелъ къ нимъ и, махая фонаремъ, весело сказалъ:

— Потерпите, голубчики, еще немного. Богъ дастъ черезъ полчаса запру вагонъ, да васъ чайкомъ угошу. А то, поди, наваялись, бѣгая по крышамъ?

И онъ разсмѣялся добрымъ, за сердце хватающимъ смѣхомъ.

Поѣздъ летѣлъ быстрой птицей.

Гудѣли внизу колеса; слабо потре-скивали дрова въ желѣзной печур-кѣ и казалось, что никогда не бу-детъ конца ни этой непогодливой осенней ночи, ни лежанью въ сѣнѣ, отъ котораго тянуло сладкимъ уми-рающимъ ароматомъ.

Пригрѣтая ласковымъ тепломъ Любка забылась въ легкой полудрѣмѣ, когда старикъ-кондукторъ разбудилъ ее и задремавшаго въ свою очередь Бегемота.

— Вылѣзайте, мои дорогие! Бу-детъ... належахъ — напрятались вдоволь.

Любка и Бегемотъ вылѣзли изъ сѣна и протирали глаза.

— Голубчикъ ты мой! Да у тебя весь бокъ въ крови... Ахъ, они ока-янные, что надѣлали съ тобой! — суеился вокругъ старичекъ. — Возь-ми, дорогой, попотенце... Дай ка я посмотрю да перевяжу тебя.

— Не надо... я самъ... — застѣчи-во, покраснѣвъ, сказала Любка и пошла въ уголъ вагона дѣлать перевязку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

34.

А гдѣ Власовъ, что съ нимъ?

Любка и Бегемотъ живы, много испытали за короткое время и ѣдутъ съ благодушнымъ старичкомъ-кондукторомъ въ Петроградъ.

Какъ-же другіе? Погибли, спаслись?

... Послѣ того, какъ лодка стала тонуть, и Власовъ вмѣстѣ съ красноармейцами, которымъ было не до него, очутился въ бушующемъ морѣ, онъ постарался выплыть на болѣе мелкое мѣсто къ берегу, но силы измѣнили ему, онъ потерялъ сознание и больше не помнилъ ничего.

Когда онъ очнулся, то увидѣлъ, что лежитъ въ бѣдной рыбацкой избушкѣ, въ окна которой глядятъ, золотыми зайчиками прыгаетъ по закоптѣлымъ стѣнамъ веселое солнце... Шумитъ рядомъ не то лѣсъ, не то море и навѣваетъ на сердце сладкое полузабытье.

— Гдѣ я? Что со мной?—удивился онъ, хотѣлъ приподняться, но

упалъ на кровать, чувствуя тягучую боль во всемъ тѣлѣ.

За дверью послышались шаги, и въ комнату вошелъ пожилой мужчина съ загорѣлымъ обветреннымъ лицомъ и зоркими, привычными къ морю глазами.

Увидя, что Власовъ очнулся и просительно смотритъ на него, незнакомецъ подошелъ къ кровати и грузнымъ тѣломъ опустился на скрипучій табуретъ.

— Очнулись наконецъ! А я думалъ, не выжить вамъ! — сказалъ онъ, закуривая трубку.

— Кто вы такой и какъ попалъ я сюда? — спросилъ въ свою очередь Власовъ.

— Рыбакъ я... здѣсь у Финскаго залива выросъ и помру. А попали вы сюда не совсѣмъ обычными путями, около недѣли назадъ... Буря бушевала тогда цѣлую ночь напролетъ. Наши старики давно не запомнятъ такой. Ладно. Вышелъ я утромъ на берегъ, въ порядкѣ-ли лодка взглянуть. Только слышу, какъ гдѣ-то въ камняхъ че-

ловѣкъ стонетъ. Подошелъ, гляжу вы на валунѣ лежите, того гляди, шальною волной смоесть назадъ въ море. Подобралъ я васъ, внучкѣ своей приказалъ держать языкъ за зубами и давай ухаживать... Первое время думалъ, помрете вы... а тутъ, какъ на грѣхъ, что ни день коммунисты кого-то ищутъ. Описывали они примѣты четырехъ людей, такъ одинъ ужъ больно похожъ на васъ.

Власовъ безпокойно шевельнулся на постели и почувствовалъ, какъ холодные мурашки забѣгали у него по тѣлу.

Рыбакъ замѣтилъ его испугъ, пыхнулъ пахучимъ дымкомъ махорки и улыбнулся въ сѣдые усы.

— Деньги большіе предлагали они, кто укажетъ, гдѣ находятся эти люди, а только нѣтъ — не проданные мы... Богъ съ ними и съ деньгами, коли вопросъ о жизни идетъ. Прятать приходилось васъ, потому что все заходили они, а теперь ушли, второй день никого не видать.

Благодарными, полными слезъ глазами Власовъ взглянулъ на рыбака и, горячо пожимая шершавую грубую руку, проговорилъ ему:

— Спасибо... спасибо вамъ! Это

меня коммунисты искали, и вы спасли меня.

Пѣло тонкими голосами за окнами море. Солнце, послѣ недавнихъ бурь и дождей, смѣялось на умытомъ, радостномъ небѣ и такъ хорошо, такъ свѣтло стало на сердцѣ у Власова при мысли, что онъ живъ и еще, быть можетъ, увидится въ недалекомъ будущемъ съ потерянными друзьями, что онъ не выдержалъ и заплакалъ, какъ ребенокъ.

35.

Черезъ два дня Власовъ, котораго услужливый рыбакъ снабдилъ удостовереніемъ и трудовой книжкой на чужое имя, шелъ вмѣстѣ съ нимъ по глухимъ проселочнымъ дорогамъ въ Петроградъ. Страстное желаніе увидѣть потерянную Любку жило въ его душѣ и не давало ему покоя.

— Оставались-бы лучше у насъ рыбу ловить! — не одинъ разъ принимался уговаривать рыбака Власовъ, шагая рядомъ съ нимъ по осенней распутицѣ. — Еще не поздно найдете ли вы вашихъ товарищей въ Петроградѣ... Это не Ямбургъ какой, что прошелъ по улицѣ и всѣхъ своихъ знакомыхъ наперечетъ увидѣлъ... А у меня —

спокойствіе, благодать. Самъ себѣ хозяинъ, никакихъ властей знать не хочу.

— Нѣтъ, не говорите лучше! — отказывался тотъ. — Не такое время сейчасъ, чтобы мнѣ, офицеру русской арміи, прятаться словно бабѣ за печкой. Не найду ихъ, перейду къ бѣлымъ, а тогда держись красные, — за все отомщу.

Вечеромъ, у глухого безлюднаго полустанка, они распрощались, и Власовъ, забравшись въ пустой сарай, поджидалъ перваго поѣзда, на которомъ „зайцемъ“ хотѣлъ пробраться въ сторону Петрограда.

Время шло и перевалило за полночь, а поѣздъ еще не приходилъ.

Наскучивъ сидѣть въ темномъ, холодномъ сараѣ, онъ вышелъ на воздухъ и подошелъ къ полустанку. Кругомъ не было никого. Изъ телеграфа въ открытую форточку доносилось ровное постукиванье аппарата.

Власовъ прильнулъ къ окну, полунавѣшенному шторой, и увидѣлъ худого голоднаго телеграфиста и начальника полустанка въ красной шапкѣ, удивленно читавшаго только что принятую телеграмму.

— Экстренный поѣздъ черезъ двадцать минутъ пройдетъ! — возбужденно выкрикнулъ онъ. — Комиссары въ Ямбургъ, подъ Нарву ѣдутъ. Надо приготовиться встрѣтить ихъ.

Какъ ужаленный отскочилъ Власовъ отъ окна, и голова его заболала съ лихорадочной быстротой.

„Экстренный поѣздъ... комиссары... навѣрно не мало ихъ... хорошо-бы устроить крушеніе, да инструментовъ нѣтъ...“

Взглядъ его острыхъ, чисто кошачьихъ глазъ упалъ на большой ломъ у стѣны телеграфа.

„Сама судьба за меня! Попробую... попытаю!“ — подумалъ онъ и, взваливъ ломъ на плечи, крадучись, отошелъ отъ полустанка и исчезъ въ черныхъ сумеркахъ безпокойной осенней ночи.

Спереди, откуда-то издавна, донесся чуть слышный свистокъ паровоза и Власовъ, напрягая всю силу, побѣждалъ впередъ и впередъ, гдѣ кроваво-краснымъ рубиномъ, зловѣще глядѣлъ огонь семафора...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

36.

Когда Власовъ добѣжалъ до семафора, издали, изъ-за лѣса, опять послышался свистокъ паровоза. Поѣздъ, очевидно выходилъ со станціи и какиихъ-нибудь черезъ десять минутъ долженъ былъ пройти въ этомъ мѣстѣ.

Пробѣжавъ еще нѣсколько саженей впередъ, Власовъ засунулъ лѣвъю руку въ карманъ и принялся расквашивать ее. Съ лица у него катился потъ, драгоценное время шло, а рельса не поддавалась.

Тогда озлобившись на себя и на все на свѣтѣ, Власовъ напалъ лѣвою рукою на рельсу и съ радостью замѣтилъ, какъ мало по малу начинаютъ сдавать прогнившія шпалы. Еще одно нечеловѣческое усилие и рельса отошла въ сторону, открывъ на полотнѣ пустое пространство.

— Да и пора было!
Лѣсъ, до этого слабо вздыхавшій подъ сонными поцѣлуями ночного вѣтерка, ожилъ и звучалъ желѣзными криками, шумомъ.

Чуткое эхо подхватывало ихъ и услужливо разносило далеко кругомъ въ сотняхъ замирающихъ отголосковъ.

Бросивъ лѣвъю руку, тутъ-же на полотнѣ дорогѣ, Власовъ кубаремъ скатился внизъ по откосу и побѣжалъ въ лѣсъ, черной стѣной стоявшей передъ нимъ. Залѣзъ въ кусты и, чувствуя какъ больно, до отказа колотится его взволнованное сердце, горящими отъ ненависти глазами впился въ бездонную тьму, откуда съ минуты на минуту долженъ былъ вылетѣть обреченный на гибель поѣздъ.

— А машинистъ и поѣздная прислуга! Имъ тоже грозитъ смерть... Чѣмъ же они виноваты? — подумалъ онъ. — Быть можетъ у нихъ дома семьи остались... плакать, голодать безъ отцовъ будутъ... А да чортъ съ ними со всѣми! Мнѣ-то какое дѣло до нихъ. Лѣсъ рубятъ — шепки летятъ! — разсмѣялся, дрожа отъ озноба, Власовъ и еще глубже залѣзъ въ кусты.

Впередъ, изъ-за крутого поворота, словно глаза сказочнаго звѣря, блеснули фонари паровоза, а вслѣдъ за тѣмъ, разсыпая шлейфъ золотыхъ искръ, вылетѣлъ поѣздъ — изъ пяти шести вагоновъ.

Все ближе и ближе... къ роковой чертѣ.

Глаза Власова впились въ большой сормовскій паровозъ, сажен-

ными колесами быстро пожиравшій пространство.

И вдругъ... раздался оглушительный грохотъ, вспыхнули яркимъ заревомъ огни въ топкѣ и осветили ужасную картину крушенія.

Вагонъ на вагонъ, два внизу подъ откосомъ и два на полотнѣ — цѣлые и невредимые, благодаря счастливой случайности. И паровозъ, какъ вздыбленная лошадь, стоящій надъ самымъ откосомъ и готовый каждую секунду рухнуть туда.

Пронзительное шипѣнье пара, стоны раненыхъ, невѣдомо кѣмъ поднятая суматошная стрѣльба — все это подѣйствовало на Власова отвращающимъ образомъ. Онъ опомнился и вспомнилъ, что, пока не поздно, надо спастись свою жизнь.

Тогда, бросивъ послѣдній взглядъ на разбитый поѣздъ, около котораго съ фонарями уже бѣгали, копошились оставшіеся въ живыхъ люди, Власовъ легкими звѣриными прыжками побѣжалъ по опушкѣ лѣса, туда, въ ту сторону, куда еще вчера пробѣжала Любка и Бегемотъ.

Черная ночь не пугала его. Привыкшій къ скитаньямъ за это время онъ чувствовалъ себя въ лѣсу какъ дома и былъ всегда готовъ ко всякимъ неожиданнымъ встрѣчамъ.

37.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — кипятился на другой день въ Петроградѣ, послѣ того, какъ была получена вѣсть о крушеніи поѣзда, комиссаръ Масловъ. — Товарищи! Этого простить нельзя. Подумайте о томъ, сколько погибло идейныхъ ответственныхъ работниковъ, грудью своею стоявшихъ за совѣтскую власть. Ихъ безвременно погибшіе жизни требуютъ отомщенія... Виновники крушенія должны быть найдены во что бы то ни стало и понести заслуженную кару — смерть.

Было уже два часа ночи, но въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ собрались коммунисты, ночь превратилась въ день.

Изъ-за стола, покрытаго краснымъ сукномъ, поднялся маленький черномазый человѣчекъ въ милитантской курткѣ и попросилъ слова.

— Я думаю, — началъ онъ, — что во всѣхъ тѣхъ исторіяхъ, гдѣ были совершены за это время, несомненно замѣшана рука Любки и ея помощниковъ. Мы ловимъ ихъ, но безуспѣшно. А пока они не пойманы, товарищи, я требую смерти бывшаго комиссара Груздева, который нарушилъ нашу партійную дисциплину и, какъ безумный мальчишка, доверился этой природной бѣлогордейкѣ Любки.

Онъ замолчалъ, обвелъ присутствующихъ глазами цвѣта холодной стали и опустился въ кресло съ великокняжеской короной.

— Привести сюда Груздева! — приказалъ председатель — молодой человѣкъ съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ и мечтательными голубыми глазами въ которыхъ, казалось, сквозила его чистая дѣтская душа. Да, только казалось, потому что онъ не зналъ ни милости, ни пощады, и его именемъ матери пугали маленькихъ дѣтей.

Спустя нѣсколько минутъ въ комнату явили Груздева.

Тяжелые дни мучительнаго одинокаго, проведенные въ сыромъ, холодномъ подвалѣ, подѣйствовали даже на этого крѣпкаго, изъ желѣза слитаго человѣка. Онъ похуѣлъ, осунулся, и въ его черныхъ, какъ смоль, волосахъ засеребрились сѣрыя нити.

Безпокойными глазами онъ окинулъ собраніе, нервно передернулъ плечами и угрюмо установился въ землю.

— Товарищъ Груздевъ, что вы можете разсказать намъ о вашей любовницѣ Любкѣ? — задалъ ему вопросъ председатель.

— Ничего! — равнодушно — уставъ онъ.

— Ничего? Взять и сейчасъ-же отправить его въ раскѣдъ! — коротко и сурово приказалъ молодой

человѣкъ съ дѣвичьимъ лицомъ и прекрасными голубыми глазами.

— Меня? Такъ будьте-же вы прокляты! я васъ защищала, а вы меня подѣлать хотѣли! — испуганно крикнулъ Груздевъ, кинулся къ красноармейцу, выхватилъ у него винтовку и, выскочивъ за дверь, громко затопталъ внизъ по лѣстницѣ.

Сидѣвшіе въ комнатѣ бросились слѣдомъ за нимъ въ погоню, но, когда они выбѣжали на слабо освѣщенную улицу, Груздева и слѣдъ простылъ. Груздевъ какъ сквозь землю провалился.

Обыскали зданіе съ чердака до подваловъ, но нигдѣ не нашли никого.

Думали терялись въ догадкахъ, куда онъ могъ подѣваться такъ быстро, а Груздевъ въ это время сидѣлъ въ тайникѣ у Любки и покорно, преданными глазами глядѣлъ въ лицо женщины, которая обокрала его, лишила должности, посадила въ тюрьму, а теперь спасла отъ вѣрной, неминуемой гибели.

Какъ это случилось, объ этомъ разскажетъ слѣдующая глава.

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

38.

Любка и Бегемотъ, при помощи добродушнаго старичка-кондуктора, благополучно доѣхали до Петрограда.

Было скучное туманное утро, когда они, оглядываясь по сторонамъ, вышли изъ вагона и подъ острыми, сердце колющими глазами чекистовъ, весело смѣясь и разговаривая другъ съ другомъ, направились къ выходу изъ вокзала.

Въ дверяхъ, загораживая дорогу, стояли дежурные часовые и проверяли документы и багажъ выходящихъ пассажировъ.

Тонкимъ источнымъ голосомъ плакала, голосила бѣдно одѣтая старуха, у которой нѣсколько минутъ назадъ отобрали полпуда муки.

— Товарищи... дорогие! Да что-же это такое?— причитала она.— Създила въ деревню, хлѣбушка купила, а вы такъ обидѣли меня... Дома

дѣтишки голодные сидятъ... съ какими глазами приду я къ нимъ?

— Ладно! Нечего тутъ разговаривать! — грубо оборвалъ ее часовой. — Проходи мимо, а не то сейчасъ въ милицію сволоку.

Охая и вздыхая, старуха прошла въ дверь и затерялась въ толпѣ.

Очередь дошла до Любки и Бегемота.

— Ваши документы! — острыми, подозрительными глазами впился въ нее часовой.

Любка увѣренно, какъ старшая съ подчиненнымъ, наклонилась къ нему и сказала голосомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній:

— По порученію товарища Дзержинскаго ѣздила въ Ямбургъ... Срочное дѣло... каждая минута дорога.

— Пожалуйте! — услужливо постономилъ часовой и лихо козырнулъ Любкѣ.

Они вышли на улицу, свернули въ сосѣдній переулочекъ, взглянули другъ другу въ лицо и расхохотались веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ...

39.

Въ тайномъ убѣжищѣ все оставалось по старому. Большевики, занимавшіе дворецъ за дворцомъ, шарившіе по квартирамъ убѣжавшихъ за границу «буржуевъ», до сихъ поръ почему-то не трогали этого особняка и онъ, какъ и раньше, стоялъ пустой, за цѣлою кучей печатей.

— Слава тебѣ Создателю! — облегченно вздохнулъ Бегемотъ, войдя въ столовую, гдѣ все оставалось на старомъ мѣстѣ. — Наконецъ-то я дома... Можно и отдохнуть теперь.

— Отдохни, милый, отдохни, а завтра опять за работу! — ласково говорила Любка, бѣгая и хлопоча вокругъ стола. — Устали, измучились мы...

И она, подойдя къ Бегемоту, деликатно поцѣлуетъ его въ лобъ.

Было уютно въ комнатѣ, озаренной расплывчатымъ свѣтомъ пары свѣчей. Въ окна, закрытыя тяжелыми двойными портьерами, съ улицы не доносилось ни звука.

Бегемотъ сидѣлъ, утонувъ въ мягкомъ креслѣ, и влюбленными, понежлившими глазами глядѣлъ на Любку, которая въ этотъ день чуть не въ первый разъ за нѣсколько мѣсяцевъ сбросила надѣвшую мужскую одежду и надѣла женское платье, такъ идущее къ ней.

40.

Въ тотъ-же день, поздно вечеромъ, Любка и Бегемотъ осторожно пробирались по одной изъ улицъ города, надѣясь у одного изъ коммунистовъ, занимавшихъ отвѣтственный постъ, разузнать о судьбѣ безслѣдно пропавшихъ Власова и Вани Офицера.

Черное небо нависло надъ ними и плакало мелкими, безутѣшными слезами. Скучные и темные столбы по бокамъ великаны-дома и мертвые поблескивали слѣпыми глазами десятковъ оконъ.

Голодные и холодные, наполовину живые — наполовину мертвые, затопились, притулились въ ихъ молчаливыхъ стѣнахъ несчастные петроградцы, и безъ огня и пищи коротали длинную осеннюю ночь.

— Не городъ, а кладбище! — грустно замѣтила Любка и насторожила чуткій слухъ: изъ сосѣдней подворотни послышался жалобный стонъ.

— Никакъ человекъ умираетъ? — сказала она и, рѣзительно подойдя къ воротамъ, зажгла электрической фонарикъ.

Въ подворотнѣ, на голыхъ камняхъ, босикомъ, въ изорванной одеждѣ лежалъ комиссаръ Груздевъ и лихорадочнымъ, ничего не понимающимъ взглядомъ смотрѣлъ на нее.

— Груздевъ... вы ли это? — удивленно вскрикнула Любка и торопливо наклонилась надъ нимъ. — Это я, Любка!.. Какъ вы попали сюда?

Глаза у Груздева, при звукахъ его голоса, приняли осмысленное выраженіе.

— Я... изъ тюрьмы убѣжалъ... меня разстрѣлять хотѣли... чуть слышно отвѣчалъ онъ. — Прятался въ канавѣ... хотѣлъ за городъ уйти, да не могу... Лихорадитъ всего... Оставьте, не мучьте меня.

Любкино сердце зажглося теплою жалостью къ этому человеку, который пострадалъ изъ-за нея.

— Возьмемъ его подъ руки и сведемъ въ нашъ тайникъ! — коротко приказала она Бегемоту. — Не оставлять-же его умирать здѣсь, какъ собаку.

— Такъ-то оно такъ! — задумчиво отозвался тотъ. — А только боюсь я, какъ-бы не выдалъ онъ насъ.

— Не выдастъ никогда. Его самого перваго пуля ждетъ...

Они взяли стонавшаго Груздева подъ руки и повели въ тайникъ окольными переулками...

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

41.

Власовъ, устраивая крушение поезда съ комиссарами, чувствовалъ, что вокругъ, вплоть до Петрограда, будетъ поставлена усиленная охрана, а потому свернулъ отъ желѣзной дороги на сосѣдній проселокъ и пошелъ по нему, какъ ни въ чемъ не бывало.

Ноги его болѣли, все тѣло кололо мелкими иголками отъ озноба, который колотилъ его.

Жуткая ночь стояла кругомъ. Въ рѣдкихъ деревняхъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, маячили одинокіе ласковые огоньки, звали, манили къ себѣ въ теплый уютъ отдохнуть, согрѣться отъ непокойной собачьей жизни, которой, казалось, не будетъ конца никогда.

И Власовъ шелъ. А въ глазахъ его, какъ чудесный сонъ, какъ проголосокъ далекой любимой пѣсни, стояли и мерещились прекрасные голубые глаза Любки, запавшіе въ сердце такъ глубоко.

И еще стояла въ глазахъ темная, больная, голодная и холодная Россія, которую мучили, распинали всѣ: красные, бѣлые, а больше всего ей бывшіе союзники, ставшіе теперь заклятыми, не на жизнь, а на смерть врагами...

Блѣднымъ умирающимъ утромъ онъ подошелъ къ Гатчинѣ.

Убогая, соломенная деревня раскинула передъ нимъ свои кривобокія, жалкія избы.

Голодь мучилъ Власова нетерпимо и онъ, забывъ всякую осторожность, вошелъ въ деревню и постучался въ первую попавшуюся избу.

— Кто тамъ? Чего надо?—недовольно встрѣтила его на крыльцѣ старуха, не человѣкъ, а живой трупъ, съ лицомъ на которомъ только и жили, горѣли яркимъ огнемъ глубоко запавшіе глаза.

— Нельзя-ли поѣсть? Я заплачу! — не проговорилъ, а вѣрнее простоналъ Власовъ и безпомощно опустился на ступеньки.

— Поѣсть?! Самимъ жрать нечего! — глухимъ замогильнымъ голосомъ зашамкала старуха. — Много васъ шляется тутъ... Не разберешь, кто такіе. А мы—крестьяне—подай! Проваливай, проходи мимо.

— Бабушка, я заплачу... Не вѣришь, возьми крестъ! — и Власовъ дрожащими руками разстегнулъ воротъ гимнастерки и вынулъ большой золотой крестъ на серебряной цѣпочкѣ.

— Што ты, кормилецъ! Христосъ съ тобой!.. — худымъ, костлявымъ

тѣломъ такъ и затряслась старуха. — Што мы, басурмане какіе, чтобы у человѣка послѣдній крестъ съ шеи снимать. Входи, раздобуду, чего Богъ послалъ.

Власовъ поднялся на крыльцо, прошелъ сквозь темныя, пахучія стѣны и очутился въ избѣ, на которую революція и голодь успѣли наложить свой характерный отпечатокъ.

Среди простой деревенской обстановки рѣзкимъ пятномъ выдѣлялось богатое рѣзное трюмо съ дорогимъ граненымъ стекломъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ колченогий соломенный стулъ, а немного подальше шелковый диванъ съ дворянской короной на спинкѣ. Хрипѣли за нимъ безнадежно больнымъ маятникомъ дешевые двухрублевые часы, а напротивъ въ красивомъ дубовомъ корпусѣ мягко и солидно постукивалъ дорогой Мозеръ.

— Вотъ она цивилизація и прогрессъ! — съ горечью въ сердцѣ подумалъ про себя Власовъ. — Убожество, темнота, грязь и вонь непролазная, и вдругъ трюмо, диванъ съ короной и Мозеръ, которому сейчасъ цѣны нѣтъ...

Грязнымъ кривымъ ухватомъ старуха вытащила изъ печи черный отъ сажи чугунокъ и поставила на столъ передъ нимъ. Потомъ покопалась на полкѣ и принесла краюху засохшаго хлѣба.

— Вотъ и все угощенье! Поку-

шай, родимый, да иди скорѣй дальше, куда ноги несутъ! — сказала она.

Словно голодный волкъ, Власовъ накинулся на мутную похлебку и въ нѣсколько минутъ уничтожилъ все. Взглянулъ въ „красный уголокъ“, гдѣ темными суровыми ликами глядѣлся цѣлый рядъ иконъ и чуть не закричалъ отъ удивленья.

Рядомъ съ иконами, на самомъ почетномъ мѣстѣ, красовался портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, слѣдомъ за нимъ — красочный Александръ III, съ румянымъ добродушнымъ лицомъ и богатой мужицкой бородой, и бокъ о бокъ съ ними — худой, задумчивый Ленинъ и сердитый, съ глазами-иголками Троцкій. „Ай-да хозяева, со смеалкой! И нашимъ и вашимъ угодить хотятъ!“ — чуть было не разсмѣялся Власовъ, но сразу же остылся, заслышавъ въ корридорѣ громкіе возбужденные голоса:

— Здѣсь онъ! Никуда не ушелъ!

— Товарищи, оцѣпляй избу...

— Въ случаѣ — сопротивляться будетъ! — пошадя никакой не давай!

И вслѣдъ за этимъ въ комнату авалилась партія красныхъ. Впередъ человекъ въ кожаной тулупѣ съ револьверомъ въ рукахъ.

Не успѣлъ Власовъ опомниться, какъ они огуломъ накинулись на него и облѣпили, словно мухи медъ.

А спустя четверть часа, съ завязанными на спину руками, Власовъ, въ сопровожденіи усиленной охра-

ны, ѣхалъ по дорогѣ въ Гатчину и дальше въ Петроградъ, гдѣ его ждала вѣрная смерть...

42.

Благодаря нѣжному и внимательному уходу Любки, комиссаръ Груздевъ поправился и всталъ на ноги въ какихъ-нибудь два дня.

Блѣдный, худой, постарѣвшій на дѣсять лѣтъ, онъ стоялъ передъ Любкой и, глядя немигающими глазами въ ее зарозовавшее отъ смущенія лицо, растроганно говорилъ ей:

— Вы погубили меня, но вы же и спасли... Я ненавидѣлъ васъ еще медлѣю тому назадъ и не зналъ, не могъ придумать казни, которую заслужили вы, а теперь я — вашъ слуга и рабъ и готовъ пойти за вами въ огонь и воду, куда прикажете вы.

И Груздевъ, наклонясь, поцѣловалъ край Любкинаго платья.

— Возьмите меня къ себѣ, я буду полезенъ вамъ! — немного погодя упрашивалъ онъ. — Со старымъ у меня все кончено, возврата нѣтъ... Мнѣ надѣлаемъ съ вами такихъ дѣлъ, что наши головы будутъ цѣниться на вѣсь золота. А что касается денегъ, то я сведу васъ въ одно мѣсто, известное мнѣ одному, и глаза ваши ослѣпнутъ отъ драгоцѣнностей, собранныхъ тамъ.

Послѣ короткаго раздумья и со вѣта съ Бегемотомъ Любка рѣшила принять Груздева въ свою семью, и

съ этого времени онъ сталъ своимъ человѣкомъ...

Знакомый коммунистъ, записавшійся въ партію изъ-за куска хлѣба и служившій въ тюремномъ управленіи, сообщилъ Любкѣ относительно Власова довольно нехорошія вѣсти.

Власовъ уже нѣсколько дней сидѣлъ въ одиночкѣ одной изъ петроградскихъ тюремъ и въ скоромъ времени его должны были разстрѣлять.

Деньги — великая сила на свѣтѣ! За хорошую сумму золотомъ знакомый согласился подкупить тюремнаго надзирателя, который бралъ на себя передать заключенному пилку и уговорить часового открыть калитку, когда Власовъ, перебивъ рѣшетку, по водосточной трубѣ спустится на дворъ.

Другого выхода не имѣлось и Любка волей неволей согласилась на этотъ планъ. Побѣгъ назначили въ два часа ночи на слѣдующій день, и къ этому времени они должны были собраться къ тюрьмѣ, а въ случаѣ удачи вмѣстѣ въ Власовымъ сразу-же, не теряя ни минуты, бѣжать изъ Петрограда въ Москву.

А пока что всѣ трое позднимъ ненастнымъ вечеромъ пошли за кладомъ, про который говорилъ комиссаръ Груздевъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

43.

По безлюднымъ, полутемнымъ улицамъ Любка, Бегемотъ и Груздевъ вышли на набережную Невы и остановились у высокой чугунной ограды, за которой черной громадой вырисовывался силуэтъ богатого барскаго особняка.

Когда то здѣсь горѣли яркіе электрические огни, играла музыка и нарядные беззаботные люди ходили по комнатамъ, застланнымъ пушистыми коврами. Теперь все это прошло, кануло безвозвратно. Одни погибли въ первые же дни революціи, другіе спасли свою жизнь, бѣжавъ за границу, и живутъ тамъ, не зная когда и какими путями вернутся домой.

Молчать, призадумался домъ. Словно вспоминаетъ безвозвратно улетѣвшее прошлое, когда такъ весело, сладко и хорошо жилось въ немъ.

— Сюда, къ калиткѣ! Сейчасъ я открою ее! — шопотомъ сказалъ Груздевъ, прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, наклонился и сталъ

искать что-то на землѣ. — Никакъ потерялся! — смущенно бормоталъ онъ, шаря руками подъ камнемъ. — Какъ сейчасъ помню, спрятали ихъ сюда... Есть... вотъ они — ключи! — беззвучно разсмѣялся онъ и, нащупавъ замочную скважину, шелкнулъ замкомъ.

Всѣ трое, неслышно, какъ тѣни, вошли въ садъ и по темной аллеѣ, среди безпокойно шумѣвшихъ деревьевъ, направились къ дому.

— Парадный, и всѣ другіе ходы опечатаны большевиками! — объяснялъ по дорогѣ Груздевъ. — Но у меня есть одна потайная дверь до которой, когда я работалъ у нихъ, не сумѣлъ докопаться никто, кромѣ меня.

Они прошли мимо Венеры, у которой въ семнадцатомъ году озвѣрѣлые люди прикладами ружей сбили ей голову, пощадивъ прекрасное тѣло богини, работы знаменитаго итальянскаго скульптора.

Передъ ними, бѣлѣя своимъ корпусомъ, выросъ особнякъ, весь въ лѣпной рѣзбѣ, съ кудрявыми ни-

тами пожелтѣвшаго отъ осени дикаго винограда.

— Гдѣ же тутъ дверь? Ничего понять не могу! — разочарованно устало замѣтила Любка, на которую все это путешествіе подѣйствовало самымъ плохимъ образомъ.

И это вполне понятно. Жить все время подъ жестокой угрозой ареста и неминуемаго разстрѣла — какіе желѣзные нервы выдержать безнаказанно такую сумасводящую муку.

— Вотъ здѣсь! — увѣренно сказалъ Груздевъ, указывая на стѣну, увитую плющомъ.

Подожель, наклонился къ землѣ и, поднявшись во весь свой богатый ростъ, проговорилъ радостнымъ голосомъ:

— Пожалуйте! Тайникъ его сѣтельности къ вашимъ услугамъ, а съ нимъ и все, что находится въ немъ.

Вереницей, толкая другъ друга, они вошли въ узкую потайную дверцу, которая сразу же беззвучно захлопнулась за ними.

Стояли въ адовой темнотѣ и не знали, куда идти.

Но на выручку, какъ „хозяинъ“ дома, пришелъ все тотъ же Груздевъ.

— Теперь бояться нечего! — крикнулъ онъ и шелкнулъ кнопкой электрическаго фонаря.

Яркій свѣтъ ударилъ въ потолокъ и стѣны, обшитыя дорогимъ бархатомъ, и освѣтило ступеньки, уходящія куда-то внизъ.

Спустились въ подвалъ и опять очутились передъ глухой стѣной. Нигдѣ никакой двери, хоть иди назадъ.

Тотъ же Груздевъ повозился минутную другую около стѣны и, къ великому удивленію Любки и Бегемота, стѣна безшумно поднялась вверхъ.

— Пожалуйте! — любезно раскланялся съ ними бывшій комиссаръ — Это тотъ самый тайникъ князя Синезерскаго, про который я говорилъ вамъ.

Любка и Бегемотъ вошли въ комнату, напоминавшую собой изысканный будуаръ великосвѣтской дамы.

Шелковая мебель, великолѣпная венеціанскія зеркала, кровать изъ слоновой кости подъ парчевымъ золотымъ балдахиномъ — все это невольно подавляло своей роскошью и наводило на мысль, какими несмѣтными богатствами должны

быть обладать человѣкъ, имѣющій такой уголокъ.

Со стѣнъ, обитыхъ дорогой матеріей смотрѣли картины великихъ художниковъ своего дѣла, но все общее впечатлѣніе портили три большіе, окованные желѣзомъ сундука, которые ни съ того ни съ сего очутились въ этомъ, такомъ изысканномъ на видъ тайникѣ.

— Все это дрянь! Маленькихъ денегъ стоитъ! — презрительно сказалъ Груздевъ Бегемоту, залюбовавшемуся на дивную картину Мановскаго — дѣвушку съ открытой головой. — Одну минуту ожиданія, и я вамъ покажу такіе сокровища, передъ которыми глаза ослѣпнутъ... Я ихъ не бралъ, потому что былъ коммунистомъ чистѣйшей воды... Я молчалъ о нихъ, такъ какъ зналъ, что стоитъ только сообщить объ этомъ, кому слѣдуетъ, и сейчасъ же, черезъ часъ, нагрянутъ сюда акулы революціи, для которыхъ народъ — нуль, а дорожка всего свой карманъ и возможность поживиться на чужой счетъ... Такихъ коммунистовъ я презиралъ и всегда презиралъ буду! — закончилъ свою рѣчь, какъ отъ озноба, дрожащій Груздевъ.

А потомъ пошелъ въ уголокъ,

должно быть одному ему извѣстный, вынулъ топоръ и острыми, ненавидящими ударами принялся аспаривать желѣзное пузо пераго сундука.

Мастеръ, который сработалъ его, должно быть, былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ.

Послѣ долгихъ, нечеловѣческихъ усилій Груздева, сундукъ, наконецъ, уступилъ.

Комиссаръ приподнял крышку, и въ глаза Любки и Бегемота ударилъ ослѣпительный свѣтъ отъ хрустальной, золотой и серебряной посуды, лежавшей въ немъ.

— Ну, это намъ не годится, слышномъ тяжелая поклажа! — уныло протянулъ Бегемотъ и любовно, глазами знатока, алился въ другую картину.

— Попробуйте этотъ... Этотъ меньше всѣхъ! — забю подрагивая отъ холода, стоявшій въ тайникѣ, коротко указала Любка на самый маленький сундукъ у кровати.

Груздевъ, ни говоря ни слова, подошелъ къ нему и зазубреннымъ топоромъ принялся взламывать крышку.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженной работы сундукъ уступилъ. Груздевъ приподнял крыш-

ку, и въ глаза всѣмъ тремъ ударилъ ослѣпительный блескъ драгоценностей, лежавшихъ тамъ.

Чего-чего только не было тутъ! Тяжелые золотые браслеты съ брилліантами, сверкавшими ярче солнца. Жемчужныя кольца съ камнями, безъ цѣны. И кольца, кольца съ рубинами, сапфирами и другими камнями безъ конца.

Какъ зачарованные глядѣли всѣ трое на это несмѣтное богатство, лежавшее передъ ними.

Первой очулась Любка.

— Время уходитъ... Каждая минута дорога. Не забудьте, что сегодня же ночью мы должны встрѣтить Власова и бѣжать въ Москву! — сказала она и первую наклонилась къ сундуку и, прямо на полъ, стала выбрасывать драгоценности, лежавшія въ немъ.

— Все это не то... слишкомъ громоздко для насъ! — разочарованно бормотала она, цѣпкими руками выкидывая крупныя вещи. — А здѣсь что? Интересно посмотрѣть! — и Любка въ уровень съ лицомъ подняла тяжелый бархатный мѣшочекъ.

Развязала его, опрокинула, и оттуда сверкающимъ дождемъ посыпались, заиграли многоцвѣтны-

ми огнями драгоценные камни, находившіеся въ немъ.

— Вотъ это товаръ! — восхищенно крикнулъ Бегемотъ и торопливо сталъ набивать свои бездонные карманы.

Его примѣру послѣдовала Любка и Груздевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все было кончено и новоявленные сказочные миллионеры вышли изъ тайника и потихоньку, твясъ отъ любопытнаго глаза, пошли по спящимъ улицамъ Петрограда.

Тяжелая задача была дана имъ. Въ эту же ночь, несмотря на усиленную охрану, долженъ былъ состояться побѣгъ приговореннаго къ смерти Власова...

Любка, Бегемотъ и Груздевъ шли одинъ за другимъ вереницей и думали о томъ, что сулитъ имъ наступающая ночь. А кругомъ стояла ночная жуть, яркими всполохами играли на небѣ умирающія зарницы, и глухо, по большому вѣздалью умирающія Петрограда.

(Продолженіе слѣдуетъ).



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

44.

Власовъ сидѣлъ въ одиночкѣ и мучился неотвязной думой, что сдѣлаютъ съ нимъ. Безконечно длинныя казались безсонныя осеннія ночи, когда послѣ вечерней поѣздки вся тюрьма погружалась въ могильное молчанье, а въ наступившей жуткой тишинѣ по каменнымъ плитамъ корридоровъ звучали шаги часовыхъ.

Одинъ изъ нихъ, сѣдой старичекъ, прослужившій въ тюрьмѣ болѣе половины своей жизни, съ большимъ сочувствіемъ относился къ Власову и украдкой частенько разговаривалъ съ нимъ...

Медленно, томительно-долго тянулись скучные тюремные дни. Власовъ сходилъ съ ума отъ тоски по своимъ покинутымъ друзьямъ, о которыхъ не имѣлъ никакихъ извѣстій. И вдругъ, когда казалось, что все безвозвратно потеряно и остается ожидать послѣдней развязки—смерти, старикъ—надзиратель, открывъ дверь камеры, не говоря ни слова, сунулъ удивленному Власову небольшой свертокъ и торопливо снова закрылъ ее.

Дрожая отъ волненія руками онъ развязалъ пакетикъ и нашелъ въ немъ маленький хлѣбецъ и за-

писку, написанную на грубой оберточной бумагѣ.

Чувствуя, какъ его сердце безпокойно бьется въ груди, Власовъ подошелъ къ лампочкѣ и сталъ читать записку.

«Не думайте, что ваши друзья забыли васъ! — было написано въ ней. — Помощь близка, ближе чѣмъ думаете вы. Вскройте осторожно хлѣбъ и вы найдете въ немъ двѣ стальныхъ пилки. Въ нѣсколько минутъ вы перепилите рѣшетку и по водосточной трубѣ, которая проходитъ сбоку отъ окна, спуститесь внизъ, во дворъ. Смѣло идите къ воротамъ и часовой откроетъ ихъ. На улицѣ васъ будутъ ждать ваши друзья. Мужайтесь! Сегодня ровно въ два часа ночи долженъ состояться вашъ побѣгъ...»

Жгучая радость охватила Власова и онъ, смѣясь и плача въ одно и то же время, пересохшими губами поцѣловалъ грязный клочекъ бумаги, дававшей ему жизнь.

А потомъ оглянулся кругомъ, острымъ ненавидящимъ взглядомъ впился въ мертво глядѣвшій «глазокъ» двери и бережно принялся заламывать хлѣбъ.

Черезъ минуту у него въ рукахъ были двѣ пилки.

«А теперь попробуйте, удержите меня!» — злорадно насмѣшничая въ душѣ, подумалъ онъ и, заслышавъ свистокъ, послѣ котораго всѣ арестованные волей-неволей должны были спать, легкимъ молодымъ звѣремъ вскочилъ на койку и закрылся тяжелымъ тюремнымъ одеяломъ.

Звякнули ключи и въ камеру вооруженный съ ногъ до головы вошелъ надзиратель Громобой, прозванный такъ за свой свирѣпый, неукротимый нравъ и грубое отношеніе къ арестантамъ.

— Улегся, уснулъ! — злорадно проговорилъ онъ. — Ничего, потерпи еще денекъ—другой, а тамъ успокоишься навѣки.

Ровно въ двѣнадцать часовъ ночи, когда вся тюрьма спала крепкимъ сномъ и даже часовые дремали на своихъ постахъ, Власовъ поднялся съ койки и, подойдя къ окну, сталъ перепиливать рѣшетку.

Спустя короткое время работа была сдѣлана и Власовъ, окинувъ прощальнымъ взглядомъ унылыя стѣны камеры, вылезъ въ окно.

На улицѣ стояла кромѣшная тьма и только у воротъ слабымъ расплывчатымъ свѣтомъ горѣлъ одинокій фонарь.

Нащупавъ руками водосточную трубу, онъ вѣсплывъ въ нее и повисъ на страшной высотѣ. Внизу, какъ бездонный колодезь, чернѣлъ моячаливый дворъ... Одно неосто-

рожное движеніе, онъ сорвется съ трубы, и тогда конецъ всему — вѣрная смерть на холодныхъ плитахъ тюремнаго двора!

Осторожно передвигая ногами, онъ сталъ спускаться по трещащей, проржавленной трубѣ.

Минуты казались годами, и, когда Власовъ очутился на землѣ, онъ весь дрожалъ мелкой дрожью отъ сильнаго напряженія, охватившаго его.

Шатаясь какъ пьяный, съ ухватистымъ камнемъ въ рукѣ, онъ прошелъ черезъ дворъ и подошелъ къ калиткѣ, у которой, закутавшись въ шубу, стояла часовая.

Молча, не говоря ни слова, часовой открылъ обитую желѣзомъ калитку и выпустилъ его.

— Пошли вамъ Богъ удачи! — шепнулъ онъ и низко поклонился ему...

Власовъ шелъ по улицѣ и тревожно оглядывался по сторонамъ, разыскивая Любку и Бегемота.

Изъ темнаго подъѣзда одного изъ впереди стоявшихъ домовъ выступили двѣ человѣческихъ фигуры и быстрыми шагами направились къ нему.

— Они! — мелькнуло въ разгоряченной головѣ Власова. — Милые, дорогие, друзья не на жизнь, а на смерть!

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

45.

Встрѣча друзей носила самый сердечный характеръ. Любка, на что крѣпкій, съ желѣзными нервами человекъ, и та не могла сдержаться отъ радости охватившей ее, и крѣпко, по мужскому, обняла и поцѣловала потеряннаго и вновь найденнаго Власова.

А онъ? Онъ стоялъ передъ ней и не зная, что дѣлать ему, въ ноги-ли упасть этой сверхъурядной женщинѣ и цѣловать ихъ безъ конца, безъ стрыва, или броситься ей на шею и сказать прямо и открыто, что онъ любитъ ее и никогда не промѣняетъ ни на кого.

Первой очулась Любка и, тревожно оглянувшись по сторонамъ, сказала имъ:

— А теперь, друзья, скорѣе въ путь—дорогу! Время нельзя терять ни одной минуты. Кто знаетъ, быть можетъ тамъ, въ тюрьмѣ уже открыли побѣгъ и за нами гонятся всѣ ищейки?

— Такъ чего-же стоять! — спокойно какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ Бегемотъ. — Груздевъ со своей машиной ожидаетъ давно, остается только дойти до него, а тогда прощай Петроградъ, Богъ знаетъ, увидимъ-ли мы тебя?!

Всѣ трое двинулись съ мѣста и пошли по безлюдной улицѣ, скрываясь въ тѣни загадочно молчаливыхъ домовъ, которые въ эту осеннюю ночь походили на большіе неуклюжіе гробы, сверху до низа набитые живыми мертвецами.

По старому шумѣлѣ, завывалъ порывистый вѣтеръ, словно отпѣвая кого-то. Шептался о панель и мостовую надѣвавшій до смерти дождь. Было холодно, неуютно кругомъ...

Груздевъ, привязавшійся къ Любкѣ и Бегемоту всѣмъ сердцемъ, послѣ того, какъ его-же товарищи хотѣли разстрѣлять его, дожидаясь въ глухомъ переулкѣ у Московской заставы.

Не прошло и минуты, какъ автомобиль сорвался съ мѣста и съ потухшими огнями черной, неукротимой птицей полетѣлъ впередъ, въ объятія ночи...

У заставы, направивъ винтовки въ упоръ, стояла сторожевая охрана, но Груздевъ далъ послѣднюю скорость и машина на полномъ ходу врѣзалась въ живыхъ людей, раскидывая ихъ на обѣ стороны.

Бегемотъ и Любка съ револьверами въ рукахъ промчались мимо охраны и услышали за собой безпорядочную ружейную стрѣльбу.

— Ахъ, вы такъ! — блеснула глазами обозленная Любка, высулилась изъ машины и нажала курокъ.

Вдали послышался отчаянный крикъ раненаго на смерть человека, и все смолкло потомъ.

Только вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ, да скользили черныя контуры не то убогихъ домовъ, не то перелѣсковъ.

Черезъ часъ, послѣ бѣшеной гонки по ямамъ вконецъ испорченной дороги, моторъ закапризничалъ и остановился на мосту крутой обрывистой рѣчки.

Блеснувъ фонаремъ, Груздевъ

осмотрѣлъ его и печально поникъ головой.

— Машина расхлѣбалась! — сказалъ онъ, подойдя къ Любкѣ, съ безпокойствомъ ожидавшей результатовъ осмотра. — Бензину хватить не больше какъ на полчаса, потому что одинъ бакъ пробилъ пулей, и все содержимое вытѣкло, пока ехали мы... Волей-неволей придется идти пѣшкомъ.

— Ну чтожъ, ничего не попишешь! — смѣло махнула головой Любка. — Кажется не въ первый разъ!.. Кому другому, а намъ не привыкать стать... Только слезы уничтожить надо сначала, чтобы отъ машины не осталось ничего.

— А вотъ проѣдемъ впередъ, а тамъ съ обрыва я пушу его въ рѣчку, и больше никакихъ! — поспѣвовалъ Груздевъ и, не дожидаясь согласія другихъ, тронулся съ мѣста. Пробѣжавъ черезъ мостъ, сплывъ и молча, съ любопытствомъ сътрѣли, какъ пустой автомобиль съ разбѣга ринулся впередъ и упалъ въ рѣчку. Глухой всплѣскъ воды, и отъ него не осталось следа.

Бодрыми, еще не уставшими шагами стали мѣсить дорожную грязь

и весело болтали, смѣялись между собой, вспоминая свои недавнія приключенія.

— Все это хорошо! — замѣтила въ концѣ концовъ Любка. — Какъ никакъ, а пѣшкомъ въ Москву тяжело идти. Предлагаю, господа, утромъ, когда разсвѣтетъ, выйти на желѣзную дорогу и попытаться попасть въ первый поѣздъ.

— Вагоны биткомъ набиты, люди на подножкахъ висятъ, а мы въ поѣздъ попасть хотимъ! — сокрушенно вздохнулъ Бегемотъ.

— Ничего, попадемъ... головой ругаюсь въ этомъ!.. — послѣдовалъ уверенный отвѣтъ.

Блѣднымъ туманнымъ утромъ они поравнялись съ небольшою деревушкой, выѣхавшей къ самой дорогѣ. Злая, голодная собака накинулась на нихъ сразу же за околицей и понадобились самыя героическія усилія, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Хмурый, заспанный крестьянинъ, ругаясь во-всю, запрягалъ на дворѣ лошадей, когда Бегемотъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Далеко ли, дяденька, ѣдешь?
— А тебѣ какое дѣло! — сердито покосился тотъ.

— Можетъ до станціи довезешь? Мы заплатимъ, сколько возьмешь.

— Не видалъ я вашихъ бумажекъ что-ли, коли на нихъ не купить ничего.

— У насъ золото есть! — вмѣшалась въ разговоръ молчаливая до того Любка и вынула кошелекъ, набитый деньгами.

Крестьянинъ удивленно заглянулъ въ него и сразу же перемѣнилъ и обращение и тонъ.

— Довезти, отчего-жъ не довезти! — заговорилъ онъ, снимая рваную шапку и задумчиво скобля мохнатый затылокъ. — А только-бы бѣды не вышло какой! Сами знаете, какъ строго сейчасъ. Спутаетесь съ вами да и самому влетитъ.

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить! — разсмѣялась Любка и хлопнула его по плечу. — Запрягай скорѣе да поѣдемъ, намъ къ поѣзду поспѣвать надо.

Крестьянинъ подумалъ немного и согласился, а спустя короткое время наши знакомцы тряслись по грязному, залитому лужами проселку и думали каждый свою думу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

46.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды по захолустной дорогѣ, на которой имъ не встрѣтилось ни одного человѣка, наши знакомые подѣхали къ небольшою станціи, затерявшейся въ сосновомъ бору. Любка отсыпала крестьянину, не считая, цѣлую пригоршню золотыхъ, и онъ, бросивъ лошадей на произволъ судьбы, нѣсколько минутъ шелъ сбоку нихъ, благодаря за такую посылку. А когда они скрылись за поворотомъ, боязливо оглянувшись кругомъ и запрятавъ золото въ сапоги.

— Ишь ты, язви-те мухи! — раздумывалъ онъ, сидя на телегѣ по дорогѣ домой, въ деревню. — Денегъ цѣлую бочку отвалили... Съ виду-то просто одѣты, а можетъ князья да графы какіе отъ камунистовъ бѣгутъ. Мнѣ что! Мое дѣло — сторона! Закопаю денежки въ навозъ въ лѣву и знать ничего не знаю...

На станціи, какъ сообщилъ ходившій на развѣдку Бегемотъ, была охрана, а поэтому всѣ четверо ударились снова въ глубь лѣса, отошли верста пять отъ желѣзной дороги, развели костеръ подъ мох-

натой елью и стали дожидаться наступленія ночи, когда впотемкахъ болѣе безопасно можно будетъ забраться въ вагонъ.

Братски подѣлили остатки провизіи, какая была у нихъ, и сидѣли у жаркаго огня, отдыхая душой и тѣломъ.

Погода поправилась. Въ блѣдно-голубой водѣ уставшаго отъ дождей неба снова золотой улыбкой смѣялось солнце, плыли караваны задумчивыхъ облаковъ, и, перелетая другъ друга, пролетали стаи озабоченныхъ птицъ.

Бегемотъ, на котораго богатая лѣсная тишь подѣйствовала самымъ умиротворяющимъ образомъ, пришелъ въ хорошее состояние духа и началъ мечтать.

«Хорошо было-бы забраться въ такую глушь гдѣ-нибудь на берегу озера, построить избушку, запастись книгами и жить, никакихъ революцій и гражданскихъ войнъ не зная. Пускай грызутся между собой люди, отравляя свою и безъ того короткую жизнь... Ты — олинъ и въ мудромъ спокойствіи, въ трудахъ и заботахъ; какъ нѣкій философъ, проводишь свои земные дни.»

— Это на тебя походить! — светлой улыбкой улыбнулась Любка. — А что касается меня, то я и мѣсяца не выдержала-бы такой жизни. Сбѣжала бы, куда глаза глядятъ, только-бы жить среди людей, пускай нехорошихъ, злыхъ, порочныхъ, но все-таки живыхъ людей...

Вечеромъ, когда пламенной кровью вспыхнули, заалѣли небесныя дали, и въ лѣсу стали шарить, бродить по кустамъ блѣдныя тѣни — предвѣстницы ночи, всѣ четверо по узкой извилистой тропинкѣ тронулись въ обратный путь на станцію желѣзной дороги.

Темною ночью пытались не одинъ разъ попасть въ проходившіе пассажирскіе поѣзда и не могли, такъ какъ люди сидѣли на крышахъ и висѣли на подножкахъ, словно крупные гроздья.

Тогда рѣшили дожидаться товарнаго поѣзда и, если не будетъ пустого открытаго вагона, сорвать пломбу въ одномъ изъ нихъ и забраться туда, махнувъ рукою на все.

Глухо погромыхивая колесами, долгожданнй товарный поѣздъ прибылъ на станцію въ серединѣ ночи, когда весь персоналъ, за исключениемъ двухъ-трехъ дежурныхъ служащихъ, давно поконился въ кроваткахъ и видѣлъ соблазнительные сны, въ которыхъ фигури-

ровали цѣлыя горы румяныхъ булокъ, тяжелые брусья сливочнаго масла и другія вещи, пропавшія изъ обихода давнымъ-давно.

Въ то время какъ Бегемотъ и Любка съ Власовымъ обошли вагоны и, не найдя пустого, сорвали пломбу съ одного изъ нихъ. Потомъ позвали своихъ друзей, чуть-чуть приоткрыли дверь и залѣзли въ него. Снова закрыли ее и стояли въ полнѣйшей темнотѣ, боясь шевельнуться, и тѣмъ самымъ выдать себя.

Спустя короткое время поѣздъ тронулся съ мѣста и полетѣлъ впередъ, въ Москву, куда всей душой стремились они.

Бегемотъ, которому надоѣло стоять впотемкахъ, вынулъ изъ кармана френча предусмотрительно запечатленную свѣчу и зажегъ ее.

Блѣдный дрожащій огонекъ освѣтилъ грязныя стѣны вагона и ящики, стоявшіе въ углу.

— А ну-ка пощупаемъ, что тамъ такое! — сказалъ онъ и вскрылъ американскимъ ножомъ крышку одного.

— Эге, да тутъ провизія лежала! — довольный голосомъ проговорилъ онъ. — А это кстати, потому что у меня въ животѣ пѣтухи поютъ.

Бегемотъ наклонился и гово-
выми руками вытащилъ нѣсколько

банок килекъ и полупудовый кусокъ аппетитно выглядѣвшей ветчины.

Всѣ четверо не ѣли съ утра и съ жадностью проголодавшихся людей накинудились на килки и ветчину, жалѣя, что въ ящикѣ не оказалось ни сухарей, ни хлѣба.

Прошло два часа и ихъ послѣ соленой пищи стала мучить невыносимая жажда. Во рту горѣло и съ каждой минутой становилось все хуже и хуже.

Первымъ не выдержалъ Груздевъ, и когда поѣздъ, приближаясь къ очередной станціи, замедлилъ ходъ, рѣшительно всталъ съ ящика и сказалъ, обращаясь къ другимъ:

— Не могу больше терпѣть! Силъ моихъ не хватаетъ... Пойду, выйду, хоть изъ канавы напьюсь, и для васъ принесу въ этомъ бидонѣ.

Любка, которую жажда томила не меньше остальныхъ, въ знакъ согласія молча кивнула головой, чувствуя на какой сумасбродный поступокъ рѣшается онъ.

Общими усилиями отодвинули дверь и увидѣли, что на дворѣ уже занимается утро.

Лязгнувъ буферами, поѣздъ остановился, и Груздевъ, не теряя времени, вылезъ изъ вагона. Кругомъ

не было никого и онъ пошелъ вдоль поѣзда къ стоявшей неподалеку сторожевой будкѣ. Къ великой его радости, рядомъ съ ней оказался колодезь и Груздевъ, поднявъ на веревкѣ ведро, жадными, пересохшими губами принялся пить холодную, вкусную, какъ никогда, воду. Пилъ, не отрываясь, большими глотками и очнулся только тогда, когда услышалъ, что паровозъ далъ свистокъ и поѣздъ сейчасъ будетъ отходить отъ станціи.

Торопливо наливъ бидонъ драгоценной водою, онъ подбѣжалъ къ первому попавшемуся вагону и, рискуя жизнью, ускльзнул на буферъ.

Паровозъ крикнулъ еще разъ и дернулъ составъ, понемногу увеличивая скорость.

Мимо поплыли дома и сарай, промелькнуло двѣ, три человѣческихъ фигуры, и остались далеко, позади.

Груздевъ сидѣлъ на буферѣ, стараясь удержать равновѣсіе, и думалъ о томъ, что достаточно одного неловкаго движенія — онъ упадетъ подъ колеса, и для него будетъ кончено все...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

47.

Долго, мучительно-долго тянулась для Груздева невольная поѣздка на буферъ вагона. Вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ, билъ сбоку и снизу, стараясь сбросить его, а онъ, закусивъ губы до крови, прижимая одной рукой бидонъ съ водою, а другой въцепившись въ перекладину вагона, сидѣлъ и думалъ только объ одномъ, какъ-бы скорѣе доѣхать до станціи и попасть къ своимъ товарищамъ, которые съ ума сходили безъ него.

А утро вставало, и на востокѣ, опущенномъ снѣжною ватой уснувшихъ облаковъ, яркимъ малиновымъ сокомъ возбуждала осенняя заря.

Минутъ черезъ двадцать поѣздъ замедлилъ ходъ и Груздевъ, не дожидаясь остановки, кубаремъ дохотился съ буфера на полотно. Упалъ, расквасилъ лицо, но бидона не выпустилъ изъ рукъ. Всталъ. Сторожко оглянулся кругомъ и быстро зайца побѣжалъ къ заветному вагону. Стукнулъ, какъ условились

три раза подрядъ, и втиснулся въ еле пріоткрывшуюся дверь.

Стоялъ и съ радостной улыбкой смотрѣлъ, какъ жадно, съ блестящими отъ восторга глазами его товарищи пили стуженую, всеоживляющую влагу.

— Спасибо! — коротко сказала Любка и, подойдя къ нему, благодарно поцѣловала въ лобъ.

Отъ такой ласки сердце остановилось въ груди Груздева и онъ, ненавидѣвшій ее безумно еще мѣсяць тому назадъ, сейчасъ чуть не плакалъ отъ счастья, посвѣтившаго ему.

Послѣ короткаго совѣщанія вся компанія рѣшила улечься спать, оставивъ одного дежурнаго на всякій случай. Кинули жребій и очередь пала на Власова, который, несмотря на свою усталость, охотно принялъ ее.

Спустя короткое время въ вагонѣ настала тишина и только густой басовитый храпъ богатыря — Бегемота нарушалъ ее.

А поѣздъ летѣлъ все впередъ и впередъ, острой желѣзной грудью взрѣзая туманныя дали засинѣвшихъ лѣсовъ. Мелькали мимо убогія темныя деревушки, жизнь въ которыхъ походила на сонное тягучее болото, что даже специалисты своего дѣла — большевики не могли расшевелить его.

Послѣ крѣпкаго освѣжающаго сна первой проснулась Любка. Открыла глаза и удивилась, не понимая гдѣ она. Но потомъ моментально вспомнила все и, чиркнувъ спичку, подошла къ двери вагона.

Дежурный Власовъ, на обязанности котораго лежало оберегать ихъ, спалъ преспокойнымъ сномъ.

Любка не стала тревожить его, сѣла на ящикъ и настороженными ухомъ ловила звуки, долетавшіе снаружи. Похоже было на то, что они стояли на большой станціи, быть можетъ даже въ самой Москвѣ. Тамъ и здѣсь раздавались зычные разноголосые свистки паровозовъ, слышался лязгъ вагоновъ и пронзительные рожки стрѣлочниковъ.

Понемногу, одинъ за другимъ проснулись и остальные. Такъ какъ

на улицѣ стоялъ день и было опьясно выходить изъ вагона, большаго стомъ голосовъ рѣшили дожидаться наступленія сумерекъ и только тогда выходить изъ него.

Время шло нестерпимо долго. Шумъ большого города проникалъ сюда въ глухихъ рокохахъ, отголоскахъ и по мѣрѣ того, какъ наступалъ вечеръ, дѣлался все тише и тише.

Около девяти часовъ Бегемотъ пріоткрылъ дверь, высунулъ голову наружу, оглянулся по сторонамъ и, крикнувъ — сгай ребята! — прыгнулъ на полотно.

Его примѣру послѣдовали и остальные.

Свѣтлымъ заревомъ электрическихъ огней, несмотря на угольный кризисъ, залита была линия желѣзной дороги и вокзалъ.

Всѣ четверо окольной дорогой вышли на площадь и остановились въ недоумѣніи, не зная куда идти.

Сновали кругомъ озабоченные, куда-то спѣшашіе люди, звонкими голосами перекликались нарядные автомобили съ новыми, совсѣмъ иначе, какъ раньше, пассажирами въ нихъ, а надъ всѣмъ этимъ, взлетѣвъ въ сумеречное небо, горѣлъ

алой кровью гигантский транспортъ съ жуткой, за себя говорящей надписью: „Пролетарии всѣхъ странъ соединяйтесь!“

На помощь, какъ и всегда, пришелъ незамѣнимый въ такихъ случаяхъ Груздевъ.

— Сядемъ въ трамвай и поѣдемъ въ Сокольники! — предложилъ онъ.

— А тамъ у меня есть такое мѣстечко, что сыщики и ищейки всего свѣта не найдутъ насъ... Еще въ то время, когда я имѣлъ счастье состоять въ должности комиссара, я часто посѣщалъ этотъ уголокъ и сорилъ деньгами направо и налево... Да при томъ тамошняя хозяйка — моя троюродная тетка и никогда не выдастъ насъ.

— Дѣваться некуда... Ёдемъ туда! — коротко бросила Любка и первую зашагала къ остановкѣ трамвая.

Толпы народа стояли тамъ и съ бою брали очередные вагоны. Ни дѣтямъ, ни женщинамъ — никому не было пощады, и тутъ же на глазахъ разыгрывались душевнораздирающія сцены, когда мать въ звѣриной толкотнѣ, давкѣ теряла своего ребенка, а какой-нибудь смѣльчакъ, висѣвшій на подножкѣ,

срывался оттуда и падалъ на рельсы, разбиваясь на смерть.

Понадобилась вся нечеловѣческая сила Бегемота и его крутые плечи, чтобы всѣ остальные съ его помощью кое-какъ могли забраться въ вагонъ.

Вагонъ тронулся съ мѣста и жужжа какъ большая муха, побѣжалъ по скупому освѣщенной улицѣ въ знаменитыя Сокольники, когда-то гремѣвшая на всю Россію.

Люди, набитые словно селетки въ бочкѣ, стояли въ серединѣ, висѣли на подножкахъ вагона и кто молча, въ душѣ, а кто и открыто, никого и ничего не боясь, ругали существующіе порядки.

Въ дальнемъ углу послышался озлобленный крикъ:

— Попался, сукинъ сынъ! И такъ тяжело живется, а ты воровать, — а спустя пару минутъ мимо нашихъ знакомыхъ съ дикими отъ ужаса глазами пропихнули къ выходу щуплаго, худого какъ щепка мальчугана.

Раздался отчаянный, замирающій крикъ и стало тихо кругомъ... Желѣзное время породило желѣзныхъ, не знающихъ пощады людей...

(Продолженіе слѣдуетъ).

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ Сокольники, куда съѣзжалась на дачи и гулянья всероссийская знать, гремѣли и сияли сотнями электрическихъ огней. По мягкимъ укатаннымъ дорогамъ, скользя на споконныхъ резиновыхъ шинахъ, мелькали богатые экипажи московскихъ промышленниковъ и фабрикантовъ. Скусающими, холодными глазами смотрѣли они на жизнь, кипѣвшую вокругъ нихъ, и снова возвращались назадъ, въ свои сказочные, кровью и потомъ рабочихъ воздвигнутые дворцы...

А сейчасъ только неугомонный пересѣлщикъ — вѣтеръ игралъ золотомъ опавшей листвы и смутно шептался въ озябшихъ кустахъ.

На конечной станиці Любка и всѣ другіе слѣзли съ трамвая и, шлепая по грязи, двинулись въ паркъ, предводимые даже впотомъ какъ выдающимъ Груздевымъ.

— Потерпите еще немножко! — не то уговаривалъ, не то упрашивалъ онъ. — Еще нѣсколько минутъ ходьбы и я покажу вамъ такіа чудеса, какія вы и не думали найти

въ этомъ захолусты.

Мимо нихъ, обдавая липкою грязью, промчался автомобиль съ темными фигурами, сидящими въ немъ.

— Все къ ней... къ моей тетускѣ ѣдутъ! — односложно сказалъ Груздевъ.

Спустя нѣсколько минутъ они подошли къ большой барской дачѣ, въ окнахъ которой не свѣтилось ни одного огонька.

Груздевъ прошелъ чернымъ ходомъ и постучался въ узкую, обитую клеенкой дверь.

— Кто тамъ? — послышался оттуда осторожный, кого-то боящійся шопотъ.

— Свои!.. Шапка и молотъ! — уверенно отвѣтилъ онъ, а затѣмъ вошелъ въ неслышно распахнувшуюся дверь.

Слѣдомъ за нимъ вошли и другіе. Безногая, со слѣдами ужасной болѣзни на лицѣ, стояла передъ ними старуха и холодными, давно уставшими жить глазами смотрѣла на нихъ.

— Вамъ кого? Дѣвочекъ надо? —

сиплымъ шершавымъ голосомъ спросила она.

— Нѣтъ... Хозяйку сюда позови! — приказалъ Груздевъ, какъ дома, опускаясь на первый табуретъ.

Пару минутъ погодя въ комнату вошла хозяйка — пожилая женщина съ оплывшимъ лицомъ и тѣломъ.

— Лешенька, тебя-ли я вижу, голубчикъ ты мой! — растроганно крикнула она и кинулась ему на шею, покрывая ротъ, глаза и носъ мокрыми, слюнявыми поцѣлуями...

— Устрою, всѣхъ васъ устрою! — озабоченно кудахтала она, послѣ того какъ прошла радость первой встрѣчи. — Комнату такую дамъ, что во всѣ кабинеты и въ залы все будетъ видно... А тебѣ, молодой человѣкъ, — обратилась она къ Любкѣ, — дѣвочка, поди нужна?.. Выбирай любую, какую хочешь, только мигни глазкомъ.

— Никакихъ мнѣ дѣвочекъ не надо! — сердито отгрызнулась Любка и вскинула кверху свои чудесныя, бархатныя брови.

По узкимъ кривымъ корридорамъ, то опускаясь, то поднимаясь, они прошли въ большую комнату, полную яркаго свѣта.

Роскошная дорогая мебель наполняла ее. Ноги тонули въ пуши-

стыхъ коврахъ, а со стѣнъ, обитыхъ блѣдно-голубымъ шелкомъ, глядѣлись портреты не то генераловъ, не то великихъ князей.

— Сейчасъ вамъ ужинать принесутъ! — сказала хозяйка, услужливо кланяясь всѣмъ. — А потомъ ложитесь спать... здѣсь ни одинъ человѣкъ не побеспокоитъ васъ... Что-же касается тайниковъ и запаснаго выхода, то онъ, Лешенька, племянничекъ мой, — все укажетъ вамъ.

Вилія толстымъ задомъ, хозяйка вышла изъ комнаты и плотно притворила дверь.

— Ну вотъ мы и дома! — весело, гулкимъ баскомъ расхохотался Груздевъ и, какъ былъ въ грязной одеждѣ и сапогахъ, улегся на кушетку.

Постучавъ въ дверь, въ комнату вошла прислуга, молодая, красивая дѣвушка, съ глубокими синяками подъ глазами, и подала на столѣ всевозможную закуску съ парой бутылокъ заграничнаго вина...

Въ то время какъ въ городѣ народъ и рабочіе получали по четверть хлѣба въ день — въ претонахъ, подобныхъ этому, все было къ услугамъ посѣтителей, лишь бы имѣлось золото и царскія деньги. А они были у Любки и ея друзей.

не говоря уже о том, что сама хозяйка приходилась теткой Груздеву. После сытного, не уступавшего по качеству мирному времени, завтрака Груздев встал из-за стола и, лбниво потягиваясь, предложил другим:

— А теперь, господа, если хотите, можете посмотреть, как веселится в залах и отдельных кабинетах почетные гости моей distinguished тетушки.

Он подошел к стѣнѣ, увѣшанной сверху до низа картинами, и сдѣлал рукой вѣсколькихъ мѣстахъ еле уловимыя движенья. А потомъ подовалъ своихъ сотоварищей и поставилъ ихъ, каждого на своемъ мѣстѣ.

— Смотрите! — сказалъ онъ и уставился глазами въ крохотное отверстіе въ стѣнѣ, которое, благодаря системѣ увеличительныхъ стеколъ, давало возможность видѣть, что происходитъ на другой половинѣ.

Глазамъ наблюдавшихъ открылось вѣскольکو большихъ и маленькихъ комнатъ въ которыхъ, сидя и лежа на кушеткахъ, пили за низенькими столиками мужчины, болѣею частью съ нарядными, крикливо разодѣтыми женщинами.

Гдѣ-то вдали чуть слышно играли музыкѣ, и подъ ея дразнящія,

истомно — пѣвучіе звуки, сладострастно принимая другъ къ другу, кружились опьянѣвшія пары.

Груздев отошелъ отъ своего „глазка“ и, перейдя въ другой уголокъ, снова сдѣлалъ неуловимое движеніе рукой. Взглянулъ въ отверстіе и, позабывъ про Любку, выругался самой грубой площадной бранью.

Въ комнатѣ, напоминавшей изысканный будуаръ богатой женщины, лицомъ къ нему стояла на половину обнаженная дѣвушка, а рядомъ съ ней — онъ — комиссаръ Чешуйко, еще недавно требовавшій разстрѣла Груздева.

„Теперь ты попался! Не уйдешь никуда! — чуть не крикнулъ Груздевъ и напряженными, ненавидящими глазами впился въ него.

Чешуйко, должно быть, не въ мѣру переписавшій въ этотъ вечеръ, недолго стоялъ на ногахъ, и вскорѣ свалился на кушетку.

Дѣвушка безучастнымъ, холоднымъ взглядомъ окинула его съ ногъ до головы, привычно одѣлась въ разукрашенное блестками платье и тихою тѣнью скользнула вонъ изъ комнаты.

Два смертельныхъ врага остались съ глаза на глаза...

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

49.

Поздно ночью, когда загулявшіе гости „уголка“ кто разѣхался по домамъ, а кто спалъ мертвымъ сномъ въ кабинетахъ — Груздевъ осторожно, стараясь не потревожить своихъ друзей, вышелъ въ корридоръ и, нащупавъ рѣзной карнизъ, нажалъ его книзу.

Часть стѣны безшумно отошла въ сторону и открыла отверстіе въ кабинетъ, въ которомъ находился комиссаръ Чешуйко.

Черною тѣнью Груздевъ скользнулъ туда, прицѣлъ механизмъ въ дѣйствіе и закрылъ стѣну за собой.

Его ненавистный врагъ былъ въ его рукахъ.

Раскинувшись на кушеткѣ, онъ лежалъ передъ нимъ и не чувялъ, что живетъ послѣднія минуты на землѣ.

Груздевъ подошелъ къ нему и сильно потряхнулъ за плечо.

— Нюра, отстань... Я спать хочу! — спросонья пробормоталъ тотъ и повернулся на другой бокъ.

Чувствуя какъ нестерпимая, жгучая злоба овладѣваетъ имъ, Груздевъ наклонился къ нему и острыми ногтями впился въ полную, бѣлѣющую шею.

Алая кровь брызнула изъ подъ нихъ. Чешуйко проснулся и удивленными, непонимающими глазами уставился на него.

Прошло вѣскольکو жуткихъ секундъ.

— Груздевъ... предатель... ты здѣсь! — крикнулъ сразу отрезвѣвшій комиссаръ и сунулъ руку въ карманъ френча за револьверомъ.

— Напрасно ищешь! — злобно усмѣхнулся Груздевъ. — Такіе почетные гости, какъ ты, у моей

тетушки ночуютъ бѣзъ оружія... Вотъ онъ — твой наганъ! — и въ рукѣ Груздева тупымъ холоднымъ блескомъ сверкнулъ револьверъ.

Дрожа отъ ужаса, Чешуйко привсталъ съ кушетки и молча глядѣлъ на него.

— Одинъ изъ насъ живымъ не выйдетъ отсюда! — бросалъ, между тѣмъ, тяжелыя скупыя слова Груздевъ. — Вотъ здѣсь платокъ, а въ немъ узелокъ... Мы устроимъ американскую дуэль... Вытащишь узелокъ и будешь живъ, а я покончу съ собой... Если нѣтъ, тогда я самъ изъ твоего-же нагана застрѣлю тебя. Тяни! — и Груздевъ протянулъ платокъ зажатый въ кулакъ.

Послушно повинаясь ему и съ дикимъ страхомъ глядя на безжизненное дуло револьвера, направленнаго на него, Чешуйко схватился за конецъ платка и вытащилъ пустой уголокъ.

— Пощади! — молящимъ голосомъ прошепталъ онъ и упалъ на колѣни... — У меня золото, драгоценности... я все отдамъ, только не убивай меня...

Молча, ненавидящими глазами Груздевъ глядѣлъ минуту, другую на раздавленнаго врага, а потомъ нажалъ курокъ.

Яркая молнія огня, оглушительный трескъ и все было кончено для Чешуйко.

Раскинувъ руки онъ лежалъ на коврѣ и алая струйка сочилась изъ пробитой головы.

Толкнувъ его ногой, Груздевъ вышелъ изъ кабинета, а черезъ десять минутъ съ помощью разбуженнѣй тетки укладывалъ тѣло убитаго въ ящикъ...

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

50.

Послѣ того какъ тѣло убитаго комиссара Чешуйко было положено въ ящикъ, Груздевъ накидалъ туда камней и желѣза, разбудилъ Бегемота и при его помощи вынесъ изъ дома въ садъ.

Стояла глухая ночь. Было темно кругомъ и только адали, надъ Москвой, чуть свѣтлѣло зарево электрическихъ огней.

По узкой, заросшей бурьяномъ тропинкѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу, они подошли къ пруду и остановились на крутомъ обрывѣ. Раскачавъ ящикъ и кинули внизъ. Всплескъ воды, и всѣ слѣды преступленія были скрыты навсегда.

Потомъ вернулись домой, а черезъ пять минутъ оба спали спокойнымъ сномъ.

Утро въ тотъ день проснулось веселое и молодое. Тучи угнали порывистымъ вѣтромъ, улицы подошли на солнцѣ и Москва, голодная и холодная, выглянула совсѣмъ нарядной.

Всѣ четверо послѣ двѣнадцати двѣ вошли въ городъ и долго, до вечера, бродили по улицамъ и переулкамъ.

Вошли въ Кремль и задумчиво, съ нѣжной тоской стояли у памятника Александру II-ому.

Передъ ними, во всей сказочной красотѣ раскинулась Москва—сердце и душа Россіи. Жгучимъ, ослѣпительнымъ золотомъ горѣла на солнцѣ

куполы и кресты церкви, бѣлымъ свѣгомъ вздымались къ небу гордые, многостаканные дома, и такъ свѣтло и красиво было кругомъ, что Любка не выдержала и засмѣялась.

— Москва, милая, дорогая, какъ люблю я тебя!—крикнула она и высоко, къ небу, смѣшившемуся золотой улыбкой, вскинула свое гордое и прекрасное лицо...

Поздно вечеромъ, когда Власовъ, оставшій отъ своихъ друзей, шелъ по Маросейкѣ,—его оставившаго нагло выбранный человѣкъ въ комиссарской кожаной курткѣ.

— Ленка, это ты! Какими судьбами?—обрадованно воскликнулъ онъ и обнялъ его, какъ родного брата.

— Вася, тебя-ли я вижу?—въ спомъ очередь удивился Власовъ и крѣпкимъ, радостнымъ поцѣлуемъ неясилъ въ его холодныя, алмазныя губы.

— Что дѣлаешь? Какъ живешь?—закидываясь онъ его вопросами въ то время, какъ они шли по дорогѣ.

— Я знаю тебя! Ты—не большевикъ,—сказалъ его пріятель. — Признаться по совѣсти я не напрасно здѣсь. Только что сегодня на нашемъ собраніи мы постановили убить московскаго комиссара Стакамова, который много горю и бѣдъ принесть Россіи.

— Идешь, по рукамъ! Я помогу тебѣ!—отвѣтилъ ему Власовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

47.

Долго, мучительно-долго тянулась для Груздева невольная побѣдка на буферѣ вагона. Вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ, билъ сбоку и снизу, стараясь сбросить его, а онъ, закусивъ губы до крови, прижимая одной рукой бидонъ съ водою, а другой вѣшпавшись въ перекладину вагона, сидѣлъ и думалъ только объ одномъ, какъ-бы скорѣе доѣхать до станціи и попасть къ своимъ товарищамъ, которые съ ума сходили безъ него.

А утро вставало, и на востокѣ, опущенномъ сѣвѣжною ватой уснувшихъ облаковъ, яркимъ малиновымъ сокомъ взбухла осенняя заря.

Минутъ черезъ двадцать побѣдъ замедлилъ ходъ и Груздевъ, не дожидаясь остановки, кубаремъ скатился съ буфера на полотно. Упалъ, расквасилъ лицо, но бидона не выпустилъ изъ рукъ. Всталъ. Сторожко оглянулся кругомъ и быстрѣе зайдя побѣждалъ къ заветному вагону. Стукнулъ, какъ условились

три раза подрядъ, и втиснулся въ еле пріоткрывшуюся дверь.

Стоялъ и съ радостной улыбкой смотрѣлъ, какъ жадно, съ блестящими отъ восторга глазами его товарищи пили студеною, всеоживляющую влагу.

— Спасибо! — коротко сказала Любка и, подойдя къ нему, благодарно поцѣловала въ лобъ.

Отъ такой ласки сердце остановилось въ груди Груздева и онъ, ненавидѣвшій ее безумно еще мѣсяцъ тому назадъ, сейчасъ чуть не плакалъ отъ счастья, посвѣтившаго ему.

Послѣ короткаго совѣщанія вся компанія рѣшила улечься спать, оставивъ одного дежурнаго на всякій случай. Кинули жребій и очередь пала на Власова, который, несмотря на свою усталость, охотно принялъ ее.

Спусти короткое время въ вагонѣ настала тишина и только густой басовитый храпъ богатыря — Бегемота нарушалъ ее.

А побѣдъ летѣлъ все впередъ и впередъ, острой желѣзной грудью взрѣзая туманныя дали засинѣвшихъ лѣсовъ. Мелькали мимо убогія темныя деревушки, жизнь въ которыхъ походила на сонное тягучее болото, что даже специалисты своего дѣла — большевики не могли расшевелить его.

Послѣ крѣпкаго осяжающаго сна первой проснулась Любка. Открыла глаза и удивилась, не понимая гдѣ она. Но потомъ моментально вспомнила все и, чиркнувъ спичку, подошла къ двери вагона.

Дежурный Власовъ, на обязанности котораго лежало оберегать ихъ, спалъ преспокойнымъ сномъ.

Любка не стала тревожить его, сѣла на ящикъ и настороженнымъ ухомъ ловила звуки, долетавшіе снаружи. Похоже было на то, что они стояли на большой станціи, быть можетъ даже въ самой Москвѣ. Тамъ и здѣсь раздавались зычные разноголосые свистки паровозовъ, слышался лязгъ вагоновъ и пронзительные рожки стрѣлочниковъ.

Понемногу, одинъ за другимъ проснулись и остальные. Такъ какъ

на улицѣ стоялъ день и было опасно выходить изъ вагона, большинствомъ голосовъ рѣшили дожидаться наступленія сумерекъ и только тогда выходить изъ него.

Время шло нестерпимо долго. Шумъ большого города проникалъ сюда въ глухихъ рокотахъ, отголоскахъ и по мѣрѣ того, какъ наступалъ вечеръ, дѣлался все тише и тише.

Около девяти часовъ Бегемотъ пріоткрылъ дверь, высунувъ голову наружу, оглянулся по сторонамъ и, крикнувъ — сйай ребята! — спрыгнулъ на полотно.

Его примѣру послѣдовали и остальные.

Свѣтлымъ заревомъ электрическихъ огней, несмотря на угольный кризисъ, залита была линия желѣзной дороги и вокзалъ.

Всѣ четверо окольной дорогой вышли на площадь и остановились въ недоумѣніи, не зная куда идти.

Сновали кругомъ озабоченные, куда-то спѣшавшіе люди, звонкими голосами перекликались нарядные автомобили съ новыми, совсѣмъ иначе, какъ раньше, пассажирами въ нихъ, а надъ всѣмъ этимъ, взлетѣвъ въ сумеречное небо, горѣла

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

53.

Въ тотъ-же день вечеромъ Любка-Огонь сидѣла въ тепломъ, уютномъ кафе въ одномъ изъ переулковъ Москвы, и внимательно, съ интересомъ, наблюдала за избранной публикой, которая проходила сюда по особымъ входнымъ билетамъ.

Большая комната, съ окнами, которые были наглухо закрыты ставнями, мало по малу наполнялась людьми.

Кого-кого только не было тутъ! И упитанные, хорошо одѣтые тыловики—комиссары, и оборванные, худые, со слѣдами перенесенныхъ лишений красные офицеры съ фронта, и другія, какія-то непонятныя личности въ новенькихъ костюмахъ и дорогихъ пальто. А среди нихъ, блѣды обнаженными плечами, съ веселыми, заалѣвшими лицами, какъ красивые цѣты, пестрѣли въ мраморный століками женщины и пили вино изъ высокихъ граненыхъ рюмокъ.

Кельнерша Жена, по знакомству съ Ленкой пропустившая Любку въ это недоступное обывателю кафе, подошла къ ея столику и съ размаху упала въ кресло.

— Посижу, отдохну пару минутъ! — сказала она и налила себѣ и Любкѣ по рюмкѣ красного, какъ кровь, ликера.

Чокнулись и выпили тягучій, зажигающій сердце напитокъ.

— Въ городѣ ни хлѣба, ни сахара нѣтъ, а у насъ всего вдоволь, словно въ старое время! — зашептала она. — И вино, и шоколадъ, даже кокаинъ есть. Что тутъ дѣлается по ночамъ — даже описать трудно. Тамъ, въ заднихъ кабинетахъ, вспрыскиваютъ морфій, нюхаютъ кокаинъ, до поздняго утра играютъ въ карты. И какая быстрая, неудержимая игра! Золото, брилліанты, кольца, браслеты — все идетъ въ ходъ, принимается въ банкъ.

Кельнерша замолчала и, съ наслажденіемъ цѣдя ликеръ сквозь пухлыя губы, выпила вторую рюмку.

Сбоку отъ Любки за соседнимъ столикомъ сидѣли два офицера, и одинъ изъ нихъ — загорѣлый, насквозь-прожженный солнцемъ, втрами и девяностоградуснымъ спиртомъ, сердито стучалъ волосатымъ кулакомъ по мраморной доскѣ, такъ, что звенѣла посуда:

— Я на фронтѣ безвыходно полгода воевалъ... Бѣлые въ Сибири разстрѣливали три раза, да неудачно. У меня живого мѣста на тѣлѣ не найти — весь израненъ на нѣтъ, а у нихъ здѣсь музыка, кафе, вина и женщины — все къ ихъ услугамъ. Нѣтъ, баста!.. Къ чорту!.. За такихъ тыловыхъ героевъ стоять...

Любка перевела глаза влѣво и обратила вниманіе на двухъ неизвестныхъ, оживленно шептавшихся между собой.

Прислушалась и уловила обрывки словъ.

— Долларовъ и золота сколько хочешь... Подчасъ работы и все-наше. А тамъ махнемъ черезъ границу въ Финляндію и дальше. Съ деньгами вездѣ проживемъ.

— Долой бѣлогвардейцевъ, да здравствуютъ совѣты! — дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ крикнулъ кто-то въ углу и, замертво пьяный, упалъ на полъ, поваливъ столъ и посуду.

Входная дверь распахнулась и въ комнату вошелъ человѣкъ въ простомъ, скромномъ полу пальто, и брѣяхъ въ голенища. Холодными голубыми глазами онъ пристально окидывалъ помѣщеніе, не то разыскивая свободное мѣсто, не то стараясь найти знакомыхъ.

— Товарищъ Станковъ, пожалуйста сюда! — звонкимъ голосомъ крикнула Жена и заодно оскалила бѣлые, мышиные зубки.

Станковъ увидѣлъ ее, и осторожно лавируя между столиками, крѣпкими, увѣренными шагами подошелъ къ нимъ.

— Садитесь, здѣсь мѣсто свободное, а я побѣгу по дѣламъ! — сказала кельнерша и гибкой змѣей вскинулась съ кресла. — Сейчасъ я подамъ для васъ! — прибавила она, ласково улыбувшись ему, и скрылась за дверью, которая вела въ буфетъ.

Станковъ вѣжливо поклонился Любкѣ и сѣлъ за столъ. Лениво, все тѣмъ же безучастно-холодными глазами онъ обвелъ шумѣвшихъ посѣтителей и снова взглянулъ на нее. Въ глазахъ у него блеснула искорка и погасла.

И было съ чего! Любка въ этотъ вечеръ, одѣтая въ декольтированное платье, такъ ярко отъбѣлявшее ее безукоризненное тѣло, выглядела настоящей красавицей и могла свести съ ума хоть кого.

— Можно познакомиться съ вами? — улыбувшись краями губъ, спросилъ немного погодя комиссаръ, послѣ того, какъ Жена подала вино и закуску. — Одному скучно пить, да притомъ вы и понравились мнѣ.

— Спасибо за окривенность! — весело расхохоталась Любка, и въ душѣ, съ радостью шепнула себѣ: «Клюнуло, сразу-же, съ мѣста въ карьерѣ! Какъ-то дальше дѣла пойдутъ?»

Познакомились и, разговаривая, какъ давно знакомые люди, пили вино, которое не пьянило ее, но понемногу дѣйствовало на Станковъ. Онъ оживился, глаза потеряли свое холодное выраженіе и любовно-ласково глядѣли на Любку. Время шло, и каждая минута вела къ развязкѣ, которая должна была совершиться, если не въ эту то въ слѣдующую ночь...

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

54.

Мало по малу вино ударило въ голову Станкова, и онъ съ каждой минутой дѣлался развязнѣе и веселѣе. Много шутилъ, смѣялся и красными, какъ у вампира, губами то и дѣло цѣловалъ Любкыны руки.

Чувствуя какую опасную игру ведетъ она, Любка пустила въ ходъ все чары женскаго кокетства и комиссаръ, ничего не боявшійся на свѣтѣ, даже не замѣтилъ какой цѣпкой лаутиной лести и влюбленности опутала его эта удивительная женщина съ глупыми, сулящими бездну наслажденій глазами.

— Пойдемъ ко мнѣ... у меня хорошо... Я уснулю тебѣ мою спальню! — просише зашептала онъ спустя нѣкоторое время и крѣпкими сухими когтистымъ прижался къ ее, ласковой теплой ногѣ.

— Ха-ха-ха! Выдумали еще! — какъ сумасшедшая, разсмѣялась Любка и, обдавая знойнымъ дыханіемъ, низко — низко наклонилась къ нему. — Вы, должно быть, привыкли имѣть дѣло съ извѣстнаго сорта женщинами, а я не принадлежу къ нимъ. Товарищъ комиссаръ, на этотъ разъ вы ошиблись.

— Ну, тогда поѣдемъ кататься на моторѣ! — внезапно предложилъ Станковъ, у котораго, какъ онъ не былъ пьянъ, моментально вспых-

нула мысль завести Любку къ себѣ на квартиру, а тамъ будь, что будетъ.

— Вотъ это идея! — обрадованно вскрикнула она и, доливая очередную рюмку ликера, такъ поставила ее на столикъ, что переломила тонкую ножку. — Это я понимаю! — продолжала она, переставъ ближе къ Станкову и прижимаясь къ нему разгоряченными дразнящими тѣломъ. Чѣмъ сидѣть здѣсь — лучше прокатиться по Москвѣ. Но вотъ вопросъ — откуда мы отстанемъ машину?

— Я — то не достану! — самовѣренно, съ гордостью отвѣтилъ онъ и, нагнувшись на лобъ фуражку, всталъ изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ, небрежно поправляя смятое платье, поднялась и Любка.

Въ кафе, бѣжкомъ набитою лостителями, было душно и дынно. Люди, опьянѣвшіе отъ вина и наркотиковъ, перестали сдерживаться и вели себя, какъ дома. Женщины, съ оголенными руками и грудью, сидѣли на колѣняхъ у мужчинъ и, не стѣсняясь, цѣловались съ ними. Запахъ духовъ, лудры и пота — все перемѣшалось въ воздухѣ и создавало насыщенную, возбуждающую атмосферу, которая хотъ на время заставляла забывать о голодѣ, войнѣ и террорѣ.

Осторожно пробираясь среди

тѣсно разставленныхъ столиковъ, Любка подъ руку со Станковомъ подошла къ двери и вышла на улицу, на которой неподалеку долженъ былъ дежурить съ машиной ея сотоварищъ Ленка.

55.

Ленка, за двѣ бутылки спирта раздобывшій моторъ у знакомаго шофера, уже часа три поджидалъ Любку въ концѣ переулка.

Нѣсколько разъ къ нему подходили милиціонеры и спрашивали, кого онъ ищетъ, на что онъ съ свисока и пренебрежительно отвѣчалъ: — комиссара Станкова. Я думаю, знаете его?

Милиціонеры козыряли ему и проходили, каждый своей дорогой, а онъ, съ присущимъ ему юморомъ, смѣялся надъ ними въ душѣ, и строилъ страшныя рожи...

Москва, съ ея миллионнымъ населеніемъ, съ дворцами и бульварами, на которыхъ некому было гулять, давно спала чуткимъ, безлокойнымъ сномъ.

Близость зимы давала себя знать и Ленка, одѣтый, въ легонькую солдатскую шинель, продрогъ порядкомъ, когда впереди себя наконецъ услышалъ серебристый, разсыпчатый смѣхъ Любки.

— Идутъ! — подумалъ онъ и, опустивъ голову, притворился спящимъ.

Изъ переулка показались Любка и Станковъ.

— А вотъ и моторъ! Жалко, что не нашъ! — весело щебетала Любка, окидывая своего спутника вырази-

тельными, многообѣщающими взглядами.

— Какъ не нашъ? — удивился Станковъ.

— Все — мое, и ты тоже мой! — и онъ жадными, горячими губами впилился въ ее заголодѣвшую шею.

— Не надо, послѣ... а то шоферъ увидитъ! — притворяясь, слабо отбивалась Любка.

— Плевать я хотѣлъ на него! — отвѣтилъ онъ и подошелъ къ шоферу.

— Послушай ты?

— Кто? — какъ-бы спросонья отозвался Ленка.

— Конечно ты? — уже началъ сердиться комиссаръ.

— Я-то?

— Да, ты-то! Кто-ты?

Шоферъ первой роты!

— Кого дожидаетъ?

— Командера Штыкова.

— Ну, такъ пускай онъ подождетъ тебя, а пока покатъ насъ!

— Никакъ невозможно! — послѣдовалъ хладнокровный отвѣтъ Ленки.

— Почему?

— Командеръ даже забранится.

— Ты знаешь, кто я?

— Ты-то?

— Да, я.

— Не, не знаю.

— Станковъ-я! Понялъ теперь?

— Понялъ понялъ, а вести не могу.

— Дуракъ! — антъ себя отъ злости крикнулъ комиссаръ и, выхватывая револьверъ, навелъ его на шофера.

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

56.

— А теперь повезешь? — повторилъ Ленъкъ вышедшій изъ себя Станковъ и щелкнулъ куркомъ револьвера.

— Теперь повезу, потому вижу, больно ты злойшій, еще убьешь грѣхомъ! — покорно согласился тотъ, слѣзъ съ сидѣнья и сталъ заводить машину.

Черезъ пару минутъ Любка и комиссаръ сидѣли въ автомобилѣ и быстро вътра неслись по соннымъ, могильно-тихимъ улицамъ Москвы.

Какъ и всегда это бываетъ, Станковъ, протрезвѣвшій на свѣжѣмъ воздухѣ, спустя короткое время опьянѣлъ вдвойнѣ, и, тиская покорное тѣло Любки, цѣловалъ ее порывисто, жадно, словно боялся, что она исчезнетъ, растаетъ тутъ же, у него, на глазахъ.

Любка, артистически играя свою роль, машинально отдавалась его ласкамъ и думала о томъ, какъ-то пройдетъ ее рискованный номеръ. «Только бы завести его, въ Хамовники мелькало у ней въ головѣ, — а тамъ разговоръ короткий».

Мелькали мимо грузные, когда-то богатые и веселые дома, чернѣли на углахъ и перекресткахъ застывшій фигуры милиционеровъ съ винтовками за плечами. Въ воздухѣ пахло сладкимъ запахомъ умирающей осени. Янкія звѣзды шевелились, какъ живыя, въ темнотѣ бархатъ неба и, подмигивая, смотрѣли, хотя одно и безучастно, на большіи

бѣлокаменный красавецъ-городъ, вздумавшій строить какую-то новую жизнь, какъ будто-бы жизнь не одна.

Звонко тарыхта моторомъ, машина летѣла впередъ и впередъ. — Ты первая женщина — говорилъ Станковъ, обнимая Любку, которую я встрѣтилъ на своемъ пути, и которая завладѣла моею душой, какъ никто никогда раньше. Ради такой, какъ ты, можно идти на преступленіе, на убійство, однимъ словомъ — на все.

— И даже на измѣну своимъ друзьямъ? — удивленно, испуганно взметнула кверху соболиными бровями Любка, у которой блеснула мысль не убивать его, а использовать, какъ когда-то Груздева, въ своихъ личныхъ цѣляхъ.

И въ ее красивой головкѣ въ одну секунду сложился планъ: ладно, пускай, она станеть его невольной любовницей, но тотъ-же Станковъ введетъ ее въ высшіе коммунистическіе круги. Она познакомится съ людьми, которые держатъ въ своихъ рукахъ судьбы Россіи и, быть можетъ, ей удастся сдѣлать много добра и пользы роднѣ, которую сейчасъ мучаютъ, распинаютъ всѣ.

— Измѣну друзьямъ? — задумчиво растягивая слова, переспросилъ ее комиссаръ и упрямо мотнулъ головой. — Никогда!.. Лучше пулю себѣ и ей, но предать своихъ товарищей ни за что.

«Нѣтъ, видно, что ты не изъ Груздевской породы! — разочарованно замѣтила въ душѣ Любка. — Такие не пугаются, а ломаются, какъ сталь. Придется тебя, голубчикъ, улюкошить, и не позже, какъ сегодня же ночью».

Ленъка, сидѣвшій на рулѣ каменнымъ изваяніемъ, вѣлъ свое дѣло умѣло, и машина, проскользнувъ мимо бѣлой громады Храма Христа Спасителя, на всемъ ходу влетѣла въ Хамовники.

— Милый, если хочешь, заѣдемъ ко мнѣ на полчаса, я тутъ неподалеку живу! — вкрадчиво зашептала Любка, обжигая Станкова горячими глазами. — Выпьемъ по стаканчику чая, а потомъ я провожу тебя домой.

— Къ тебѣ, зачѣмъ? — пробормоталъ онъ, плохо работающей головой стараясь уяснить себѣ, не скрывается ли въ этомъ предложеніи какая опасность. — Поѣдемъ лучше ко мнѣ. Я подарю тебѣ кольцо, какого ты не видѣла и врядъ-ли увидишь когда.

— А я не хочу! Представь себѣ, что это мой капризъ, фантазія... Ты непременно долженъ быть у меня сегодня — понимаешь, я такъ хочу. А тогда...

— Что тогда?

— Тогда дѣлай со мной, что вздумаешь... я буду только твоей.

— Идешь, по рукамъ! — отозвался Станковъ, и, какъ не былъ пьянъ, но по врожденной привычкѣ сунулъ руку въ карманъ пальто съ цѣлью убѣдиться, лежить-ли тамъ револьверъ.

Револьверъ былъ на мѣстѣ и онъ, покачиваясь на упругихъ пружинахъ сидѣнья, убѣждалъ самъ себя:

«А вотъ и поѣду... на зло себѣ возьму и поѣду... Женщина стѣсняется придти ко мнѣ... Какая разница! Я самъ приду къ ней! Въ такія-ли передѣлкахъ бывалъ, а цѣлымъ вездѣ выходилъ».

И ему вспомнилось, какъ во время наступленія Колчака въ Сибирь бѣлые поймали его за поджогомъ въ тылу, а, спустя часъ, приговорили къ расстрѣлу. Вывели на обрывъ рѣки, поставили на самый край такъ, что его тѣло должно было упасть въ воду и стали цѣлить въ него. А онъ, крикнувъ: — посмотрите, какъ наши ребята прыгаютъ! — бросился съ десятиэтажной высоты внизъ, въ бушующія волны рѣки, и выплылъ благополучно на другой берегъ...

Автомобиль безшумно вкатилъ въ узкій переулокъ и остановился у темнаго двухъэтажнаго дома.

— Ну вотъ и прѣехали! Удостоите, товарищъ комиссаръ, своимъ присутствіемъ скромную квартиру вашей новой знакомой! — улыбаясь, манящей улыбкой Любка и щелкнула замкомъ въ двери.

— Ты меня дожидай здѣсь, хоть до утра! — приказала Станковъ усердно козырявшему Ленъку. — А уйдешь — на кровъ свѣта сыщу и къ стѣнкѣ поставлю. Понялъ? — Такъ точно понималъ, товарищъ комиссаръ! — какъ топоромъ, обрубилъ Ленъка, стараясь скрыть радость, охватившую его при мысли, что Станковъ въ его рукахъ.

Любка и комиссаръ вошли въ корридоръ и стали подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ... (Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

57.

Пару минутъ спустя Любка и комиссаръ вошли въ комнату, въ которой она на дняхъ встрѣтилась съ Ленъкой и здѣсь разработала планъ убійства Станкова.

Любка щелкнула выключатель и помыщеніе въ одну секунду осветилъ электрической свѣтъ.

Покачиваясь на своихъ упругихъ ногахъ, комиссаръ осматривался кругомъ, скользя и раздвѣя глазами Любку, стоявшую передъ нимъ въ соблазнительной вызывающей позѣ.

— А у васъ ничего... довольно мило! — скосивъ зубы пробормоталъ онъ и грузнымъ тѣломъ упалъ на диванъ такъ, что зазвенѣли пружины. — Люба, золотко мое, я вина хочу! — проговорилъ онъ и въ невозможности склонился головой на подушку дивана.

— Вина? Я сейчасъ принесу! — отвѣтила Любка и, повернувшись къ нему спиной, улыбнулась злобной, торжествующей улыбкой.

«Дѣло удалось на славу... еще немного и Станковъ, потерявшій сознание, будетъ въ рукахъ у нихъ».

Раскачивая на ходу пыльными бедрами, она вышла въ корридоръ и лицомъ къ лицу столкнулась съ Ленъкой, который за это короткое

время изъ простоватаго дурака — шофера успѣлъ преобразиться въ дряхлую старуху.

— Ну что, какъ дѣла? — захлебываясь отъ волненія, спросилъ онъ.

— Лучше не надо! — прошептала она. — Еще парадругая рюмочка вина и онъ уснетъ мертвымъ сномъ. Гдѣ вино, давай его скорѣе! — и оба они неслышно скользнули въ соседнюю комнату, гдѣ хранились напитки и разная закуска.

Лишь только Любка ушла за дверь, какъ Станковъ, лежавшій пластомъ на диванѣ, гибкой пружиной метнулся съ него и первымъ дѣломъ бросился къ одному изъ оконъ, на этотъ разъ не закрытому ставней. Взглянулъ на улицу и увидѣлъ, что тамъ нѣтъ ни шофера, ни машины. Открывъ задвижки, онъ быстро, кошачьей походкой отбѣжалъ на середину комнаты и схватился за голову. Пьяного удара какъ не бывало. Почуввавъ напряженными нервами грозившую ему неведомо откуда опасность, Станковъ отрезвѣлъ въ нѣсколько секундъ.

— Засада, иначе не можетъ быть! На меня готовится покушеніе! — подумалъ онъ и цѣпкими руками принялся опускать грудь.

Патентованная, стальная кольчуга была на немъ, и это наполовину успокоило его.

Нащупавъ револьверъ въ карманѣ, Станковъ подползъ къ дивану и легъ на него, притворясь, по старому, пьянымъ.

Немного погодя, въ комнату, съ подносомъ въ рукахъ, вошла Любка, поставила его на столъ и стала терзать комиссара:

— Товарищъ комиссаръ, проснись! Вино, закуска и даже сама Любка — все къ твоимъ услугамъ.

— Отстань, я спать хочу! — мычалъ спящій Станковъ, но въ концѣ концовъ раскачался и сѣлъ за столъ противъ Любки.

— А теперь выпьемъ за нашу дружбу, за любовь и счастье, и чтобы не было ни дня, ни покрышки бѣловардейцамъ! — блеснувъ бѣлой ниткой зубовъ, сказала она и налила два бокала.

Они чокнулись, пригубили, и въ то время, когда Любка, заглядывая шорохъ въ соседней комнатѣ, повернулась лицомъ туда, Станковъ выплеснулъ вино въ стоящій на столѣ густой кусть герани.

— Давай еще! Будемъ пить, пока, плетяся! — усмѣхнулся онъ и жадно, пересохишими губами впился въ бокалъ. Выпилъ вино до дна, взглянулъ на Любку осоловѣвшими глазами и опустилъ голову на столъ. А спустя нѣсколько минутъ хрипѣлъ рыкающимъ пьянымъ храпомъ.

— Коля, проснись... мнѣ скучно... я цѣловаться хочу! — торжественно она его, но комиссаръ не подавалъ признаковъ жизни.

«Одинъ ударъ кинжаломъ и все кончено для него!» — подумала Любка, но, вспомнивъ, что раньше этого долженъ состояться допросъ, встала со стула и вышла въ корридоръ.

— Ну что, какъ дѣла? — спрашивала ее Ленъка и двое другихъ заговорщиковъ.

— Пьянъ, какъ стелька, берите веревки и вяжите его! — уверенно сказала она и всѣ четверо, открывъ дверь, одинъ за другимъ вошли въ комнату, гдѣ находился комиссаръ.

Яркая молнія ударила имъ въ глаза, и одинъ за другимъ раздѣлились штрѣлы револьвера.

Въ мутномъ просвѣтѣ открытаго окна показались прѣстѣнная фигура Станкова съ широко раскрытыми, горящими отъ злости глазами, и кинулась, прыгнула внизъ въ глубокую пропасть улицы, расколотая, ниспавъ зловѣщимъ свѣтомъ.

— Убѣжалъ, ловите его, иначе мы всѣ погибнемъ! — изступленно крикнулъ Ленъка и съ разбѣга прыгнулъ въ окно слѣдомъ за нимъ...

(Продолженіе слѣдуетъ)



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

38.

Узнавъ на мостовую и сильно ушибивъ тѣло, Ленка вскочилъ на ноги, осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что Стананова и слѣдъ пропалъ.

Темнѣя на обѣ стороны безлюдный переулокъ и чутко доливъ безпокойные шаги Ленки.

Загребвъ дверь, съ оружіемъ въ рукахъ, выскочили изъ дома Любка, Груздевъ, Бегемотъ и Влазовъ.

— Ну что, какъ? Гдѣ Станановъ? — закричали они его вопросамъ.

— Убѣжалъ, чортъ. А теперь намъ труба! — отвѣтилъ онъ и выразительно ладонью руки провелъ по шеѣ. — Черезъ нѣсколько минутъ сюда придутъ красноармейцы, и либо заберутъ, либо перестрѣляютъ насъ безъ пощады.

— Бѣжать, надо бѣжать — растерянно проговорилъ Влазовъ.

— А куда побѣжимъ, если черезъ часъ будутъ оцѣплены все вокзалы и начнется слѣжка во-всю. Вѣдь не кого-нибудь, а самого Стананова, гордость революціи, хотѣли убить.

— Идемъ къ теткѣ, она устроитъ насъ! — предложилъ внезапно Груздевъ. — А тамъ черезъ недѣлю, когда успокоится все кругомъ, выйдемъ изъ подполья и удеримъ на югъ къ бѣлымъ.

— Молодецы! Правильно разсудилъ! — благодарно улыбнулась Любка. — Скорѣе туда... дорога большая,

а намъ до разсвѣта обязательно въ Сокольники попасть надо.

— А про моторъ позабыли! — замѣтилъ Ленка и, открывъ ворота во дворъ, выхватилъ на машинѣ.

— Садитесь, живѣй! — скомандовалъ онъ. — Ты, Бегемотъ, будь за шофера и отвези кампанію на уголъ переулка... ждите меня тамъ, а я сбѣгаю за бумагами наверхъ, которыхъ оставить нельзя.

— И я тоже съ вами! — рѣшительно сказала Любка и слѣдомъ за ними скрылась въ домѣ.

Бегемотъ сѣлъ на руль и, не теряя драгоценнаго времени, отъѣхалъ въ конецъ переулка.

Прошло пять, десять минутъ. Все съ тревогой на сердцѣ, готовые дорого продать свою жизнь, ожидали ихъ, когда въ противоположной сторонѣ яркими огнями вспыхнули вдругъ два грузовика и съ бѣшеной скоростью подкатили къ дому, въ которомъ часъ тому назадъ лежалъ на диванѣ Станановъ.

Было видно, какъ прыгали съ нихъ вооруженные красноармейцы и сплошной цѣпью окружали домъ. А затѣмъ кучка громко кричавшихъ людей вошла въ середину и снова стало тихо кругомъ.

— Попались... надо удирать, пока не поздно! — дрожа отъ злости, прошепталъ Груздевъ. — Ихъ много, силою ничего не возьмешь.

— Подождемъ еще немножко! — предложилъ Бегемотъ, сердце кото-

раго исходило кровью при мысли о томъ, въ какую западню попалъ Любка.

Еще немного, и вдругъ со стороны дома мелкими горохомъ разсыпалась частая, безпорядочная перестрѣлка...

Минута, другая и все стихло опять.

— Господи, упокой работу твою! — перекрестился плачущий Бегемотъ и нажалъ рычагъ машинки.

Глухо заворчалъ стальной утробой, автомобиль нехотя тронулся съ мѣста, и сразу-же за синней полыхались громкіе, озлобленные крики:

— А вотъ и остальные... Въ погоню за нами!

— Лови вѣтра въ полѣ! — свирѣпо усмѣхнулся Бегемотъ и далъ послѣднюю скорость.

Оглянувшись и увидѣвъ, что одинъ изъ грузовиковъ мчится въ догонку за ними.

Улицы, вторая, третья — и грузовики отстали.

Спустя короткое время всѣ трое сидѣли въ кафѣ тетюшки Груздева и, понуривъ головы, думали о томъ, что случилось съ Любкой...

39.

Увлеченные работой, Любка и Ленка попались въ бумажномъ хламѣ, лихорадочно-торопливо выбирая изъ него важныя документы, когда вдругъ вину, въ коридорѣ, раздались тонотъ ногъ и послышались громкіе голоса.

— Опоздали... идуть... Дѣться некуда... остается, какъ можно дороже продать жизнь! — поблѣднѣвъ,

сказалъ Ленка и, выхвативъ револьверъ, подбѣжалъ къ двери. — Пока я отстрѣливаюсь, ждите бумаги, а потомъ—скорѣе въ ту дверь, она ведетъ на чердакъ. Бить можетъ чужо спасетъ насъ! — торопливо шепталъ онъ, въ то время какъ Любка, нахмуривъ черныя брови, зажала бумаги въ каминѣ.

А шаги все ближе и ближе! Не дожидаясь, когда люди поднимутся наверхъ, Ленка проткнулъ дверь, всталъ на одно колено и чуть не въ упоръ принялся разстрѣливать скученныхъ въ узкомъ пространствѣ красноармейцевъ. Послѣ короткаго замѣшательства, тѣ оправившись, и въ свою очередь стали отпѣчивать ему.

Острая боль ударила Ленку въ грудь, и онъ, крикнувъ: — Любка, прощай! — упалъ на полъ, широко раскинувъ руки. Все было кончено для него.

Выхвативъ изъ каминна горѣвшую бумагу, Любка бросила ее на диванъ, скользнула за дверь, на которую указалъ ей Ленка, и съ невыдающейся силой моментально заставила ее тяжелымъ комодомъ и другими вещами.

Загнѣла электрический фонарь и быстро-быстро побѣжала по скрипящимъ ступенькамъ наверхъ, на чердакъ. Вбѣжала туда и, не раздумывая долго, вытала въ слуховое окно на крышу... Прислушалась, гибкой кошкой поползла по ней къ сосѣднему дому...

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

60.

Криши домовъ соприкасались одна съ другой и Любка, которой не оставалось другого выхода, послѣ короткаго замѣшательства перелѣзла на сосѣднюю крышу.

Добравшись до чердачнаго окна, и, заслышавъ на улицѣ громкіе крики и топотъ, открыла раму и скользнула туда. Освѣтила фонаремъ чердакъ, заставленный всевозможнымъ хламомъ, и безпомощно, какъ ребенокъ, упала на первый попавшійся ящикъ.

Сидѣла, охвативъ голову изодранными въ кровь руками, вспоминала убитаго Ленку и думала, что дѣлать ей.

Промогадая сырость охватила ее. Чувствуя, какъ безудержный ознобъ колотить ее съ ногъ до головы, Любка, махнувъ на все рукой, встала, зажала фонарь, и, шатаясь, какъ пьяная, пошла искать выхода съ чердака въ домъ.

Нашла дверь и, толкнувъ ее рукой, увидѣла, что она не заперта на замокъ. Тогда тихо, затаивъ дыханье, Любка вышла на лѣстницу и стала спускаться въ полусвѣтлый отъ занимавшагося на дворѣ разсвѣта коридоръ. Вышла туда, придонилась къ периламъ и стояла въ недоумѣніи, куда идти дальше. На

улицу нельзя, потому что она, по всей вѣроятности, и сейчасъ полна красноармейцевъ, которые ищутъ ее и, того гляди, придутъ съ обыскомъ сюда. А тогда останется какъ можно дороже продать жизнь, но живое отдаться имъ въ руки ни за что, никогда.

Внизу, въ коридорѣ, послышались чьи-то одинокіе шаги и стали подниматься наверхъ.

— Идутъ! — мелькнуло въ головѣ у Любки и она, опустивъ руку въ карманъ френча, судорожно схватилась за рукоятку револьвера.

Бѣжать, спрятаться... но куда? Назадъ, на чердакъ не стоитъ—все равно придутъ, обыщутъ и найдутъ ее. Такъ ужъ лучше встрѣтить опасность лицомъ къ лицу...

Минута жуткаго ожиданія, когда въ напряженной тишинѣ слышно хорошо, какъ бьется въ груди, словно выпрыгнуть хочетъ, взволнованное сердце и Любка съ глазу на глазъ стояла противъ сѣдобородаго старика, съ изумленіемъ глядѣвшаго на нее.

— Ты, паренекъ, откуда попалъ сюда?—спросилъ онъ, опустивъ ее любопытнымъ, изучающимъ взглядомъ.

— Я... съ чердака!.. — тихо отвѣтила Любка.

— А зачѣмъ тамъ былъ? Думаешь пожить чѣмъ?

— Я не воръ... Политическій я... За мной — погоня... по крышѣ я пробрался на чердакъ, а теперь спустился внизъ, думалъ уйти прочь.

— Эвона дѣло какое выходитъ! — въ раздумьи поглядѣвъ въ слуховое окно старикъ. — На улицу тебѣ идти невозможно потому, что сданаютъ тамъ. Да и видъ у тебя болѣе неважный... лицо въ крови... одежда порвалась... Ты вотъ что, пойдѣмъ ко мнѣ, я скорюю тебя... А тамъ увидимъ, что дѣлать дальше! — и старикъ звякнувъ связкой ключей.

— А вдругъ засада, позоветъ къ себѣ и выдастъ! — подумала Любка и тревожно взглянула на старика. Но у того было такое доброе, ласковое лицо, что она перестала колебаться и рѣшительно пошла за нимъ въглубь коридора.

61.

Звякнувъ ключами, старикъ открылъ обитую клеенкой дверь и, пропустивъ Любку впередъ, снова заперъ ее.

Любка стояла въ маленькой, тѣсно заставленной передней и, молча, ожидала, пока старикъ, что-то бормоча подъ носъ, скидывалъ и вѣшалъ пальто.

— Ну, а теперь, паренекъ, проходи въ комнату! — приветливо сказалъ онъ. — Сейчасъ я чайку сварю, вижу, ваяешь ты. А тамъ разскажешь, какъ и почему попалъ сюда. Посидимъ, побалакаемъ, можетъ и надумаешь что.

Любка прошла въ комнату съ большимъ, потемнѣвшимъ образомъ въ переднемъ углу, и съ чувствомъ удовлетворенія опустила на стулъ.

Спустя короткое время чай вскипѣлъ и она, жадно глотая ароматную жидкость, ничего не скрывая, рассказала старику исторію минувшей ночи.

— Такъ-такъ! — участливо покачивалъ онъ головой, выслушавъ до конца ея разсказъ. — А только прости, не сердись на меня — скажешь мнѣ, что не парень, а женщина? Ты меня не стѣсняйся, коли такъ, говори все, какъ попу на духу.

— Вы угадали! Да, я — женщина! — созналась Любка и вспыхнула яркимъ заревомъ до корней волосъ.

— Ну и бой-баба! — восхищенно ударилъ себя по сухимъ ляжкамъ старикъ. — Пускай приходятъ искать теперь, такъ турну ихъ, что въ другой разъ не захотятъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ въ дверь постучали.

— Никакъ они! — встрепенулся онъ. — Ты вотъ что, спрячься пока подъ столъ, а я пойду узнаю, кто тамъ! — и старикъ приподнялъ скатерть, своими краями савасавую до самаго пола.

Не теряя времени, Любка залѣзла туда и съ тревогой на сердцѣ ждала, что будетъ дальше...

(Продолженіе слѣдуетъ)



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни).

62

Нетерпѣливо, спокойными шагами старикъ подошелъ къ двери и, не открывая ее, спросилъ:

— Кто тамъ?
— Саои... Открывай... не бойся... — крикнулъ въ отвѣтъ чей-то простуженный, хриплый голосъ.

Такъ же нетерпѣливо, старикъ открылъ дверь и пропустилъ въ переднюю человека въ кожаной тужуркѣ и двухъ красноармейцевъ съ винтовками на плечахъ.

— Послушай ты, старина! — обратился къ нему первый. — Мы вѣдь не спрашиваемъ, съ обыскомъ пришли къ тебѣ... Ищемъ одного человека... большая награда обещана за него... А тому, кто укажетъ или поможетъ найти его, половина награды, да еще два пуда муки и полпуда сахара въ придачу... Такъ ты, въ случаетъ чего, можешь слышать о немъ или видѣлъ его? Говори, ничего не бойся, мы за деньгами не стоимъ.

Сахаръ и мука, — завистливо вздохнулъ старикъ. — Вотъ уже полгода и въ глаза не видѣлъ ни того, ни другого... А ты говоришь, выдай его — человека-то... Соколки мои! Да кабы вѣдомо было мнѣ, гдѣ онъ

спрятался, развѣ сталь-бы я терять времени, дожидая насъ... Самъ-бы въ малицю побѣжалъ и доложилъ все начистую... Потому — крестьянинъ — я, и совѣтскую власть отъ всякихъ бѣдобандитовъ защищать долженъ.

— Это ты вѣрно говоришь, отецъ! — благожелательно похлопалъ его по плечу человекъ въ кожаной тужуркѣ. Трудно бороться намъ, всѣ нападаютъ на насъ... Вонъ, сегодня ночью, комиссара Стаханова чуть не убили. Наверно, слышалъ про него?

— Какъ же, какъ же! Дѣхъ, они оканники! Этакое распрекраснаго человека и вдругъ убили! — зачистилъ старикъ, думая про себя! «чтобъ ему не было ни дня, ни покришки!»

Любка сидѣла, скорчившись подъ столомъ, слушала разговоръ старика и, несмотря на всю серьезность положенія, хохотала въ душѣ.

— Ну, товарищи, нечего дѣлать намъ тутъ! — обратилась кожаная тужурка къ красноармейцамъ, уныло топтавшимся на мѣстѣ. — Прощай, старина! Вижу я, что правый человекъ ты. Побольше бы такихъ,

тогда намъ никакіе буржуи не страшны! — и тужурка вышла съ двумя другими вышла изъ квартиры въ корридоръ.

Улыбаясь въ свою бороду, старикъ заложилъ дверь на крючокъ и прошелъ въ комнату, къ столу, подъ которымъ пряталась Любка.

— Вылезай, голубка! — участливо сказалъ онъ, приподнимая ска-терть. Ушелъ голодранцы вѣтра въ полѣ искать! — мелкимъ заразительнымъ смѣхкомъ раскололся онъ.

Любка вылезла изъ-подъ стола, бросилась старикъ на шею и, не скрывая восторга, прижалась къ нему. — Дѣдушка, милый, спаси-бо тебѣ!

— Постой... ты задумалась меня! — крича, отбавился онъ. — Окая дѣвка — огонь! Прости Господи, даже меня, старого дурака, въ искушение вела,

— Спасибо, спасибо за все! — продолжала тормошить его Любка и кружилась по комнатѣ, рискуя опрокинуть тѣсно разставленную мебель...

Послѣ обѣда Любка задумалась, загрузила, вспоминая про своихъ друзей, и старикъ, казалось, читав-ший въ ее глазахъ ее печальными мыслями, подошелъ къ ней съ ворохомъ женскаго платья.

— На-ка, возьми, да примерь!

Это отъ жены покойницы осталось у меня! — помысливъ онъ.

— Примѣрьте? Зачѣмъ? — несколько удивилась она.

— Эхъ, ты, а еще бой-бабой за-вѣшься. А затѣмъ, чтобы переодѣ-той спокойненько уйти отсюда. Тутъ вѣдь, на улицѣ сыщики дежурятъ, высматриваютъ тебя... Гдѣ силе-нѣлая, тамъ хитростью брать нуж-но... У меня здѣсь, по соседству прогорѣлый артистъ Свистуновъ жи-ветъ. Ну такъ я отъ него карман-шей и красокъ возьму... Подкрасишь себя, наведешь морщины, оборо-тишься старухой и все недолго. Ну, что, поняла теперь?

— Поняла, еще бы что! — радос-тно крикнула Любка и, не дожидаясь ухода старика, стала примѣ-рять юбку.

Въ тотъ же день вечеромъ въ-воротъ дома, въ которомъ нашла приютъ Любка, вышла бѣдно одѣ-тая, сгорбленная старуха съ корзинкой въ рукѣ. «Человѣкъ», дежурившій около, окинулъ ее равнодушнымъ взглядомъ и отвернулся, доска-ча, что смотритъ на такую живую ра-валину, которой давно помнитъ пора...

Эта и была переодѣтая Любка!

(Продолжение слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

63

Понирувъ голову, тяжело пере-ступая ногами, обутыми въ рваные боты, Любка прошла въ конецъ переулка, оглянувшись и увидѣла, что никто не слѣдитъ за ней. Тогда стараясь держаться въ тѣни полуо-свѣщеннаго дома, она прибавила шагу, чтобы какъ можно скорѣе уйти отъ этого рокового мѣста, ко-торое чуть не стоило жизни ей и ея неотлучнымъ друзьямъ.

«Вырвалась, провела ихъ. Спасибо старикъ, если бы не онъ, пожалуй, побили-бы ее. Приходится пожа-лѣть только о Ленѣтѣ, которому судьба не улыбнулась, какъ мнѣ!»

Съ неба заливалъ первый заду-мчивый, русскій смѣхъ. Еще не-долго, и въ городѣ, лишенный дровъ и угля, придетъ и постучится въ отопленную квартиру холодная, су-ровая зима.

«Нѣтъ, надо выбирать отсюда по-доброму, по-здорову! — думала Любка, старательно обходя посто-янныя милиционеры. — И не куда-нибудь по соседству, а дальше на-вѣтъ, въ Украину, гдѣ ее не знаетъ никто.»

Несмотря на голодъ и сравни-тельно поздній часъ, на улицѣ было много народа. И какъ ни странно, кругомъ то и дѣло слы-шался смѣхъ, такой удивительный

Готовится оригинальная картина изъ современной жизни въ совѣтской Россіи

Пляска смерти
подъ звуки III-го интернационала.
(БОЛЬШЕВИКИ,
съ участіемъ А. Штермана и Б. Чехова.)

и непонятный въ это тяжелое жут-кое время.

Дѣвушки, нарядно и бѣдно одѣ-тые, шмыгали по панелямъ и раз-вѣяно, не стѣнясь, предлагали себя проходящимъ мужчинамъ. Яр-кими, наглыми огнями горѣли вст-рѣчные кино, заывая посмотреть тяжело-жизненные драмы, какъ буд-то-бы кругомъ, въ городѣ, ежечасно не разыгрывались онѣ.

Отбывая дробь, съ оркестромъ музыки впереди, прошелъ въ сторо-ну вокзала отрядъ красноармей-цевъ, отправлявшійся куда-то на фронтъ.

— Прощай Алена! Кланяйся на-шимъ въ деревнѣ! — кричалъ поспѣ-вавшей за нимъ женщиной молодой парень — красноармеецъ и косилъ на нее безъ слезъ плачущими, про-стодушными, какъ у теленка, гла-зами.

Приплясывая на ходу, рядомъ съ нимъ шелъ чернявый матросъ, ко-

торому терять было нечего, и по-минутно отпуская забористыя шу-тки по адресу людей, глядѣвшихъ на отрядъ. Встрѣтился глазами съ Любкой, и ощеривъ беззубый ротъ, крикнулъ насмѣшливо ей:

— Эй, ты, баба-яга, пойдѣмъ съ нами... Мы тебя въ вагонѣ пригрѣ-емъ, весело будетъ намъ.

Кругомъ захохотали, и Любка, въ интересахъ которой было какъ мо-жно меньше обращать на себя вни-маніе, шмыгнула и затерялась въ толпѣ.

Около двѣнадцати ночи Любка дошла до Сокольниковъ и постуча-лась въ «пансионъ» тетушки Гру-здева.

Дверь, закрытая на цѣпочку, при-отворилась и оттуда выглянуло безпечно настроенное лицо Груздева.

— Ты, старая карга, чего пута-ешься по ночамъ? — довольно не-привѣтливо встрѣтилъ онъ Любку.

— Завябла я... кормилецъ, пусти обогрѣться! — жалобно заявила она, нагнѣвъ до неузнаваемости свой голосъ.

— Много васъ шляется тутъ... Дня всѣхъ и тепла не хватить! — грубо отряхнулъ онъ и хотѣлъ было захлопнуть дверь, но Любка про-сунула ногу въ отверстие и не да-вала закрыть ее.

— Ты что это съ ума сняла никакъ? — уже совсѣмъ разсвирѣлѣвъ Груздевъ.

— Отъ Любки поклонъ привнесла! — обычнымъ голосомъ проговорила

Любка и разсмѣялась теплымъ, та-кимъ знакомымъ смѣхкомъ.

— Любка, это ты? — обрадованъ Груздевъ и распахнулъ дверь.

Въ уютной, жарко натопленной комнатѣ сидѣла вся компанія въ сборѣ и съ тревогой на сердцѣ ос-уждала, что сталося и гдѣ находи-тся ихъ атаманша.

— А вотъ и она! — шумно въ-жалъ въ комнату Груздевъ.

Всѣ оглянулись и увидѣли поза-ди него ободранную жалкую стару-ху. — Она, она! — догадались сразу всѣ и, окруживъ ее, наперебой жали руки...

Спусти нѣкоторое время, когда затихли порывы радости, переодѣ-тая въ мужской костюмъ Любка стояла посреди комнаты и вѣско, значительно бросала короткія, ску-пыя слова:

— Друзья мои! Здѣсь, въ Мос-квѣ, намъ оставаться нельзя, потому что рано или поздно, а поймутъ насъ. Надо переждать недѣлю и бѣ-жать на югъ, а тамъ — ширина, просторъ! Будетъ гдѣ разгуляться на славу. Кто хочетъ, пускай оста-ется здѣсь, кто нѣтъ — тотъ за мной туда, въ Украину, а можетъ быть и дальше!

— Всѣ съ тобой, куда ты, туда и мы! — отозвались ея друзья и, не-много погодя, разошлись каждый по своимъ мѣстамъ...

(Продолжение слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

64.

Прошло около недѣли. Забравъ всѣ драгоценности, взявъ въ Петроградъ, Любка и ея друзья, принявъ необходимыя мѣры предосторожности, вышли изъ Москвы и въ путь, по зимней дорогѣ, пошли до Рязани.

Никто не безпокоилъ ихъ. Жалкія и убогія встрѣчались по пути деревушки. Темно, холодно и скучно было въ ихъ приземистыхъ, подслеповатыхъ избахъ. Блѣдые, исхудавшіе дѣти, больные старики и старики исхудавшіе, неподходящіе, глядя на ненавѣстниковъ людей, заходящихъ къ нимъ переночевать или обогрѣться, и требовалось все ушныя и ласковыя Любки, чтобы мало по малу оттаили ихъ заскорузлыя, напуганныя души.

А тогда начинались безконечныя жалобы, разговоры на развуху и голодь, докатившіеся сюда изъ большихъ городовъ.

— Что-же это такое! — говорилъ какъ-то древній, словно сошедшій съ иконы, старикъ. — Этакъ въ концѣ концовъ скоро помирать всѣмъ придется... Что ни день, то

хуже... У меня троица сыновей забрала, двоихъ у Колчака въ Сибири на фронтѣ убили, а третій пропалъ... ни слуху, ни духу о немъ... Шибко обижаетъ насъ всѣ... только лѣтний не трогаетъ насъ.

— Ничего, потерпи, дѣдушка! — ласково уговаривала Любка плакавшего старика. — Пережелеетъ — мука будетъ. Послѣ холодной зимы снова выглянетъ солнышко и обогрѣетъ всѣхъ насъ, усталыхъ, несчастныхъ, потерявшихъ самихъ себя.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! — всхлипывала, затихая, старикъ, и, по деревенскому, въ поясъ, кланялся утѣшавшей его Любкѣ...

Въ Рязани, черезъ которую проходили эшелоны съ красноармейцами на фронтъ противъ Деникина, съ утра и до поздняго вечера кипѣла жизнь.

Наряду съ вопиющей нищетой, тутъ-же на глазахъ летели шальные, легко достававшіеся деньги, и новые, сытые, хорошо одѣтые люди, а немѣняемо автомобиль, раскатывались на ободранныхъ «ванькахъ»...

Заплативъ кондуктору нѣсколько тысячъ за то, что онъ на запасныхъ путяхъ посадилъ ихъ въ служебное отдѣленіе вагона, наши знакомые вышли изъ Рязани на югъ.

Больной, нѣсколько лѣтъ перемонтированный паровозъ черезъ силу тащилъ тяжелый, до отказа набитый поѣздъ и по цѣлымъ часамъ стоялъ на облупленныхъ, грязныхъ станціяхъ, полустанкахъ.

Кондукторъ, закупленный Любкой, снабжалъ ихъ кипяткомъ и продуктами, какіе удавалось доставать во время остановокъ.

Чувствуя, что они избѣжали вѣрной смерти, всѣ были въ приподнятомъ настроеніи и строили планы о томъ, что будутъ дѣлать на югъ.

— Хорошо бы снять гдѣ-нибудь въ глухой станціи маванку, съ галюшки и спать по 15 часовъ въ день! — высказывалъ свои заветныя мысли Бегемотъ.

— Эхъ, ты, соня! — сѣлся надъ нимъ Груздевъ. — Такое-ли время настало теперь, чтобы думать о галюшкѣ и галюшкахъ... Люди, какъ вѣтеръ, носятся по землѣ, а онъ о маванкѣ мечтаетъ. Ужъ не собираешься-ли ты жениться на какой-нибудь черноробой хохлаткѣ, которая народитъ тебѣ цѣлую дюжину маленькихъ бегемотовъ?

— Поди къ черту! — разсердился Бегемотъ, въ глубинѣ души, именно

лѣтѣвший мысль о женитьбѣ, и по казалъ Груздеву большой кулакъ... На второй день пути, мѣстность рѣзко перемѣнила характеръ. Густые лѣса ушли далеко къ горизонту, и кругомъ разстлались скудные поля съ одиночными мельницами и хуторами.

— Не знаю, дождѣтъ-ли благополучно до конца? — съ тревогой въ голосѣ сообщилъ какъ-то компаній кондукторъ.

— А что такое? Паровозъ испортился что-ли? — спросили у него.

— Нѣтъ, не то... Атаманъ Семеновъ появился неподалеку и разграбилъ на нѣтъ Кудашево. Того и гляди, какъ-бы на поѣздъ не напасть. А тогда держись... Кровавые полѣты рѣкой. Кто ты такой? — разбираешь ли будешь.

— Вотъ оно что! — протянулъ Любка и, опустивъ голову на грудь, задумалась о чемъ-то.

Поздно ночью, когда пассажиры поѣзда, намаившись за день, спали вполку въ вагонахъ, поѣздъ остановился неожиданно въ полѣ и сразу-же вслѣдъ за этимъ послышалась беспорядочная перестрѣлка.

— Атаманъ Могила на поѣздъ напалъ! — крикнулъ испуганно кондукторъ, проткнувъ голову въ кулакъ нашихъ знакомыхъ и побѣжалъ дальше...

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

65.

Перестрѣлка вокругъ поѣзда разгоралась. Какъ безумный, захлебываясь по временамъ, такъ шумѣла, ярко вспыхивали ружейные огни и слышались наступленіе крики.

Власовъ и Груздевъ, не теряя времени, схватились за маузеры и готовились дорого продать жизнь, но Любка движеніемъ руки остановила ихъ.

— Что вы, съ ума сошли? — сердито блеснувъ глазами, сказала она. — Пускай дерутся себѣ на здоровье — намъ-то какое дѣло до нихъ. А когда очередь дойдетъ до насъ...

— Тогда поздно будетъ! — не удержался и связистъ невозмутимо спокойный Бегемотъ.

Всѣ замолчали, прислушиваясь къ тому, что дѣлалось за стѣнами вагона.

А тамъ шла рѣзня. Неуловимый атаманъ Могила, съ быстротой вѣтра пролетавшій десятки верстъ въ нѣсколько часовъ, въ эту злополучную ночь неожиданно напалъ на поѣздъ и принялся за обычную расправу.

Сопротивлявшихся убивали безъ пощады, какъ привычные мясники убиваютъ скотъ на бойнѣ. У остальныхъ, изъвившихся покорности, дѣлали обыскъ и отбирали всѣ маломальски ценныя вещи.

Перестрѣлка понемногу затихла. Изрѣдка раздавался одиночный выстрѣлъ: не то стрѣляли для острѣлки, не то приказывали еще одного, павъ оставшихся въ живыхъ. Это тономъ невидимыхъ людей и грозные окрики стали куда слышнѣе. Очевидно, облекая, медная по вагонамъ, отъ начала къ концу поѣзда, приближалась сюда.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ вагонѣ, павъ котораго, за исключениемъ Любки съ ея друзьями и десятка-другого перепуганныхъ, трепещущихъ пассажировъ, разбѣжались всѣ, — съ громкими топотомъ и разговорами вошли пьяные сподвижники Могила.

— А ну-ка, поцупаемъ какая жива здѣсь! — не проговорилъ, а скорее прорычалъ чей-то утробный, звѣринный голосъ, а вслѣдъ затѣлъ, раздаваясь отчаянный дѣвичій крикъ: — Не трогайте... оставьте... Я — невѣста... у меня женихъ на фронтѣ.

— А чѣмъ я тебѣ не женихъ! — прорычали все тотъ же голосъ. Послышалась возня, послѣдній вспыхнувшій крикъ, а затѣмъ взрывъ дикаго, нечеловѣческаго смѣха.

— Ай-да, Кудряшъ... молодець... не здаётся! Кричи цѣлѣе, такъ, чтобы всѣ женихи изъ головы вылетѣли!

Понявъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея совершается гнусное насиліе, Любка выскочила изъ купе и наткнулась на бандитовъ, которые съ грубыми шутками и смѣхомъ смотрѣли, какъ жаль и тискала въ своихъ медвежьихъ объятіяхъ милую дѣвушку Кудряшъ — человѣкъ звѣрскаго вида.

Выхвативъ моментально револьверъ, она направила его на ошеломленного его неожиданнымъ появленіемъ бандита и съ простотою въ голосѣ приказала:

— Прочь! Убери свои грязныя лапы, или я сейчасъ-же всажу въ тебя пулю.

Бегемотъ и остальные стояли позади Любки съ револьверами въ рукахъ и ждали ея сигнала.

Смущенные такимъ оборотомъ дѣла, бандиты удивленно смотрѣли на неизвестнаго человѣка, въ такой рѣзкой формѣ осмѣливагося приказывать имъ.

Злобно ворча и скрежеща зубами, Кудряшъ оставилъ дѣвушку и подошелъ къ Любкѣ.

— Ты кто такой? Какъ смѣешь командовать нами? — трясся отъ алости, прохрипѣлъ онъ и выругался непечатной бранью.

Кровь ударила въ лицо Любкѣ, она подняла лѣвую руку и въ тотъ

же мигъ на весь вагонъ прозвучала звонкая оплеуха.

Съ помутнѣвшими отъ бѣшенства глазами, Кудряшъ собрался наброситься на нее, но какъ разъ въ это время въ дверяхъ вагона показались рослый, черноробый мужичина въ бархатной тулупѣ и тапкахъ въ шароварахъ, вооруженный съ ногъ до головы.

Это и былъ атаманъ — Могила.

— Ну что, соколикъ, какъ дѣла? — спрашивалъ онъ, подходя къ нимъ, и горькимъ взглядомъ окидывая Любку и ея друзей. — Это что такое, откуда взялись? Что это у тебя, Кудряшъ, щека какъ будто будто припухла?

— Послунай, атаманъ! — съ злобой обратилась къ нему Любка. — Много хорошаго, а еще больше худого слышала я про тебя, и не вѣришь тому... Но вотъ здѣсь, на глазахъ у насъ, этотъ авръ хотѣлъ обидѣть дѣвушку и я не позволила ему. Вотъ моя правда, а теперь дѣлай съ нами, что хочешь, мы въ твоихъ рукахъ.

— Такъ-такъ! — протянулъ Могила, не сводя пылающихъ глазъ съ притихнутаго Кудряша, и вдругъ ударило его по лицу нагайкой, крестъ на крестъ. — На, получай, что заслужилъ, а теперь прочь съ моихъ глазъ! — крикнулъ онъ, и Кудряшъ, понуривъ голову, послушно, какъ побитая собака, пошелъ къ выходу изъ вагона.

(Продолженіе слѣдуетъ)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

66.

— А теперь побѣдуйте съ вами! — обратился Атаманъ-Могилъ къ Любкѣ, безбоязненно глядящей на него. — Кто такіе, откуда и куда ѣхали? Говорите, ничего не скрывая, а не то плохо будетъ вамъ. Вскрѣсно узнаю, и не пощажу тогда.

Любка улыбнулась свѣтлой улыбкой, ободрило взглянула на своихъ друзей, готовыхъ ежеминутно броситься ей на помощь, и спокойно отвѣтила ему:

— Тѣмъ мы изъ Москвы, а куда и сами не знаемъ... просто, куда глаза глядятъ, да гдѣ разгуляться можно. Что-же касается того, кто я такой и мои попутчики, то можеть-быть слышали про Любку-Огонь и ея сотоварищей.

Любка-Огонь? Неужели вы? — вселю Могилъ и протѣялъ для пожатія широкую, узловатую

руку... — Какъ-же, какъ-же, слышалъ и удивлялся! — продолжалъ онъ. — Этакіе орлы, позавидовать можно... Милости прошу къ нашему шалашу посмотрѣть, какъ мои ребята живутъ.

Атаманъ, вмѣстѣ съ по тительно молчаливой охраной, направился къ выходу изъ вагона.

Слѣдомъ за нимъ вышла на волю духъ и Любка съ остальными. Вышла и замерла, очарованная той необычной картиной хоторая открылась ей глазамъ.

На дворѣ стояла сумеречная, тихая ночь. Бѣлѣлъ на поляхъ тонкій снѣгъ, да на самомъ краю утонувшаго въ далихъ неба кровавымъ рубиномъ пылалъ покосившійся, умирающій мѣсяцъ. Заливисто нетерпѣливо ржали неподалеку лошади, и черныя фигуры казавшихся громадными людей, съ факелами въ рукахъ, перебѣгали съ одного мѣста

на другое. Слышались голоса и смѣхъ, и въ разгульных, веселыхъ отголоскахъ доносилась полная удали пѣсня.

Любка, послѣ вагонной духоты, жадно лопала сладкій степной воздухъ и улыбалась, сама не зная чему.

— Батъка, изъ Горбунова красная кавалерія идетъ. Наши дозорные донесли... надо собираться скорѣй! — подбѣжалъ къ атаману видный, крѣпкій молодецъ, казакъ.

— На коней, живо! — прорывалъ ночную жуть звонный голосъ Могилы Атаманъ подползъ къ Любкѣ.

— Мнѣ кажется, что вамъ неудобно и даже невозможно оставаться здѣсь! — проговорилъ онъ. — Подѣмте вмѣстѣ съ нами, а тамъ, когда надо будетъ, можете покинуть насъ.

Идетъ, по рукамъ! — отозвалась Любка и рѣшительно, ни о чемъ не думая, вмѣстѣ съ своими друзьями пошла за нимъ.

Шайка Атамана-Могилы уже была наготовѣ. Кто въ тачанкахъ, кто верхомъ на коняхъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали появления батъки.

Уставшись верхомъ на горячемъ, танцующаго безпокойно гонца, Могилъ зоркими глазами оглянулся крутомъ и, увидѣвъ, что Любка и ея товарищи — каждый нашелъ себя по коню, чакнулъ и, быстро въ тѣмное, казавшееся, безконечное поле.

И почти тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ, послышалась за спиной учащенная ружейная перестрѣлка.

— Красные насъ догоняютъ! — подлетѣлъ и поставилъ на дыбы разгоряченную лошадь ася тотъ-же курчавый казакъ.

— Наступаютъ, а ну-ка встрѣтимъ ихъ! — насмѣшливо отозвался Могилъ. — Пулеметы на тачанкахъ впередъ... Кто на коняхъ — собирайтесь сюда!

Не прошло и минуты, какъ всѣ люди были на мѣстѣ и, скрытые ночными сумерками, молча, готовясь дорожю продать жизнь, дожидались появления преслѣдующей ихъ кавалеріи...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

67.

Спусти короткое время, впередъ, отъ желѣзной дороги, гдѣ по старому стоялъ разграбленный атаманскими полѣзъ, на бѣломъ фонѣ снѣга черными пятнами выросли и показались первые разѣзды красныхъ. И почти сразу-же вслѣдъ за этимъ, разнесся злобѣщій гоготъ-крики, заатакавъ пулеметъ съ тачанки. За нимъ второй, третій... Въ яркіхъ вспышкахъ огня было хорошо видно, какъ падали съ лошадей красные кавалеристы, но на снѣгу имъ появились другіе и все ближе и ближе надвигались на отрядъ Могилы.

Дѣло то жаркимъ выходило! — осканивъ хищные зубы, замѣтилъ Могилъ и легкою птицей метнулся впередъ на своемъ поджаромъ, нетерпѣливо танцовавшемъ донцѣ.

Стоялъ на виду у красныхъ и презрительно косился на пули, съ тонкимъ, звонкимъ свистомъ пролетавшія мимо него. А потомъ, взмахнувъ шашкой, крикнулъ, какъ кричали когда-то разбойники на Волгѣ: — ребята за мной! — и полетѣлъ вмѣстѣ съ другими навстрѣчу смерти, которая почему-то шадила его.

Вмѣстѣ съ нимъ, съ гиками и свистомъ, ринулись впередъ Любка-Огонь и ея друзья, и попали въ самую горячую передѣлку. Люди валялись кругомъ, какъ колосы, подѣзавшіе локонъ рукой жнеца. Валялись и не вставали больше потому, что по ихъ еще живымъ, трепещущимъ тѣламъ пронеслись на обезумѣвшихъ коняхъ новыя люди и безжалостно, не думая объ этомъ, давили ихъ.

Съ разгорѣвшимся, улыбающимся лицомъ, словно она была на балу, а не на этой бойнѣ, Любка носилась кругомъ, мѣтко, почти въ упоръ, разряжая одну обойму за другою.

Высоченный, плечистый кавалеристъ налетѣлъ на нее съ высоко занесенной шашкой, еще немного и онъ зарубилъ бы ее, но какъ разъ въ это мгновеніе выскочилъ откуда-то Атаманъ-Могилъ и, замѣтивъ опасность, угрожающую ей, бѣшенымъ звѣремъ накинулся на него.

Недолго продолжалась схватка и несчастный кавалеристъ, почти попламъ перерубленный нечеловѣческимъ ударомъ Могилы, быстро склонился на шею лошади и упалъ на вѣяло, покрытую кровью.

— Спасибо, атаманъ! Никогда не забуду этой услуги! — благодарно гикнула Любка и помчалась дальше, разыскивая потерянныхъ друзей.

Силы красныхъ значительно превосходили силы атаманцевъ и Могилъ, учитывая это, вмѣстѣ со своими людьми сталъ понемногу отступать подъ прикрытіе тачанокъ.

Увлеченные преслѣдованіемъ, красные позабыли про пулеметы, находившіеся тамъ, и съ громкими, злобными криками: — Даешь Могилу къ стѣнкѣ! — направили на нихъ.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ тачанокъ атаманцы разстѣлись по сторонамъ, и красныхъ встрѣтилъ такой ураганной огонь, что они припили въ замѣшательство, дрогнули и попятились назадъ.

Этимъ моментомъ воспользовался Могилъ и, зная, что въ концѣ концовъ красные задавятъ его, скомандовалъ отступление.

И тогда началось то, чего никогда не описать на словахъ, а надо пережить самому въ засыпанной снѣгомъ степи, гдѣ на десятки верстъ не встрѣчается въ это время года ни живой души.

Сытые, на славу откормленные кони атаманцевъ летели въ мутную даль поля, а слѣдомъ за ними, поноукая уставшихъ лошадей, гналась погоня.

Попрежнему тамъ и здѣсь та же безпорядочная стрѣльба, слышались озлобленные крики и дикая, богехульная грань.

Чувствуя, какъ ее молодое сердце пьютъ отъ этой бѣшенныя скачки по неогляднымъ просторамъ не вѣря протанувшей степи, Любка сдержала взмыленного донца и, раздувая тонкія породистыя ноздри, смотрѣла на красныхъ, приближавшихся къ ней.

А потомъ аскинула въ плечу японскій карабинъ и, мстительно улыбаясь, стала выпускать пулю въ пулей. Одинъ, другой, третій... Это никогда потому, что зорко у Любки глазъ и не дрогнетъ рука въ нужную минуту.

Торопливо вытащила изъ патронной сумки новую обойму и вставила ее въ затворъ.

А красные все ближе и ближе стрѣляютъ въ нее.

Тогда повернуть донца, Любка гикнула на него и помчалась впередъ за атаманцами, которые вѣрѣтельно обогнали ее...

(Окончаніе слѣдуетъ.)



По колѣна въ крови и въ золотѣ.

(Романъ изъ современной жизни.)

68.

Вѣтеръ свистѣлъ въ ухахъ, лицо обдавало морозною пылью, а позади слышались злобные крики погони и, разрѣзая степную жуть, хлопали выстрѣлы, одинъ за другимъ.

Низко пригнувшись къ шеѣ донца, Любка летѣла поровному полю, и въ закружившей метелицѣ усталыми отъ напряженія глазами старалась найти атаманцевъ, а вмѣстѣ съ ними и своихъ друзей.

Красные мало по малу догоняли ее. Все чаще пролетали пули, которыхъ не жалѣла погоня, и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, Любка вдругъ почувствовала, какъ что-то ударило ее въ плечо, и оно защемило острой, колючей болью, какъ будто-бы кто то безжалостный заживо терзалъ ее.

Понявъ, что она ранена и чувствуя, что силы покидаютъ ее, Любка, не долго думая, выхватила кинжалъ и стала колотъ взмыленные бѣгча уставшаго донца.

Снова началась бѣшеная скачка,

и спустя нѣсколько минутъ красные остались далеко позади...

А черезъ полчаса силы совсѣмъ покинули Любку, и она съ разбѣга вмѣстѣ съ лошадей упала въ сугробъ. Лошадь поднялась, унылыми человѣческими глазами взглянула на нее и, хромая на правую ногу, пошла впередъ, съ тонкимъ залихватистымъ ржаньемъ, словно призывая людей на помощь...

Съ неба повалилъ густой снѣгъ и бѣлой туманной пеленой занавѣсилъ суровыя, печальныя дали.

Сладкое забытье овладѣло Любкой, пріятная истома разлилась по всему тѣлу, она закрыла глаза и потеряла сознание...

Когда она очнулась, кругомъ стояла глухая ночь и, вскидывая къ небу цѣлыя тучи снѣга, сыпала на нее легкою пылью метель.

Любка хотѣла подняться и не смогла потому, что, должно быть, слишкомъ много крови потеряла за это время.

Оглянулась кругомъ и увидѣла, что по сторонамъ мелькаютъ, пе-

ребѣгая съ мѣста на мѣста, яркіе огоньки.

Никакъ, на помощь идутъ! — мелькнула въ ея головѣ догадка, но сразу-же за этимъ послышался леденящій душу волчій вой.

— Волки! — встрепенулась она и охоченѣвшей рукой схватилась за револьверъ.

Выпустила, не цѣлясь, нѣсколько зарядовъ подрядъ и увидѣла, что обойма пуста.

Напуганные огнемъ и грохотомъ, выстрѣловъ, волки отбѣжали назадъ, но спустя короткое время осмѣлѣли снова и стали приближаться къ ней.

— Карабинъ... онъ спасетъ меня! — подумала Любка, стала шарить кругомъ и не нашла его: должно быть, за это время успѣло засыпать снѣгомъ.

Попробовала подняться и упала, чувствуя, что послѣднія силы покидаютъ ее.

Застывшими отъ ужаса глазами пристально глядѣла на огоньки, подходившіе къ ней, хотѣла крикнуть: — помогите! — но вмѣсто крика изъ ея губъ вылетѣлъ безсвязный шопотъ.

Волки все ближе и ближе... И вотъ одинъ изъ нихъ уже рядомъ съ ней, осканилъ острую морду и

тянется къ ногѣ, полузанесенной снѣгомъ.

За нимъ другой, третій. Цѣлая стая, и всѣ — худые, съ запавшими отъ голода боками, тѣсной стѣной обступили ее и насаждаютъ одинъ на другого.

— Помогите! — застывъ отъ ужаса, нашла въ себѣ силы крикнуть Любка и стихла, зажатая за горло мертвымъ вожакомъ — волкомъ. Слѣдомъ за нимъ кинулись на несчастную, всѣми покинутую Любку и остальные, и какихъ-нибудь черезъ двѣ минуты все было кончено для этой удивительной, такъ много общавшей и такъ мало давшей женщины.

Пѣла унылыя похоронныя пѣсни метель, а всего въ какой-нибудь полуверстѣ отчаявшійся найти Любку Бегемотъ валялся въ снѣгу и рыдалъ вмѣстѣ съ другими, чувствуя, что не увидитъ ее больше никогда!

Ни-когда!

КОНЕЦЪ.

Владимиръ Шатровъ



Об авторе

Владимир Николаевич Баранов родился в Вышнем Волочке в 1898 г. Учился в Новгородской духовной семинарии; некоторое время занимался в Лазаревском институте восточных языков в Москве. По-видимому, был мобилизован в Красную армию, на фронте перешел на сторону белых и вместе с белой Северо-западной армией оказался в Эстонии. Жил в Нарве, ходил в студенческой форме российского университета.

В 1920–19 гг. сотрудничал в газетах эсеров «Народное дело» (рассказы «Ночью», «Лихое», «В Красном Петрограде», «Отец», «Обреченные» и др.) и «За народное дело». После возобновления издания русских газет в Нарве работал в их редакциях, в частности в газете «Старый нарвский листок».

В 1922–23 гг. более года находился в Нарвской тюрьме по обвинению в шпионаже, пытался бежать, был освобожден за недоказанностью обвинения. В 1924–1926 гг. работал журналистом в нарвских русских газетах, был фактическим редактором и издателем «Былого нарвского листка» (1924–25) и «Нарвского листка» (с 1925). Также печатался также в юмористическом журнале «Кнут», еженедельнике «Отклики» и др., выступая под псевдонимами «Баранов–Шатров», «В. Н. Шатров», «Кум Наум». Опубликовал в нарвской прессе множество очерков, рассказов, зарисовок, юморесок, стихотворений.

Оказавшись в долгах, связанных с изданием газеты «Нарвский листок», бежал летом 1926 г. в Советскую Россию, был арестован ГПУ и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Ленинграде 20 июля 1927 г.

Повесть «По колена в крови и золоте» была впервые опубликована в августе-декабре 1925 г. в №№ 82 (188)-123 (229) газеты «Нарвский листок». Исходные сканы выполнены библиотекой Тартуского университета. Биографическая справка составлена по материалам С. Исакова и Т. Шор.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.